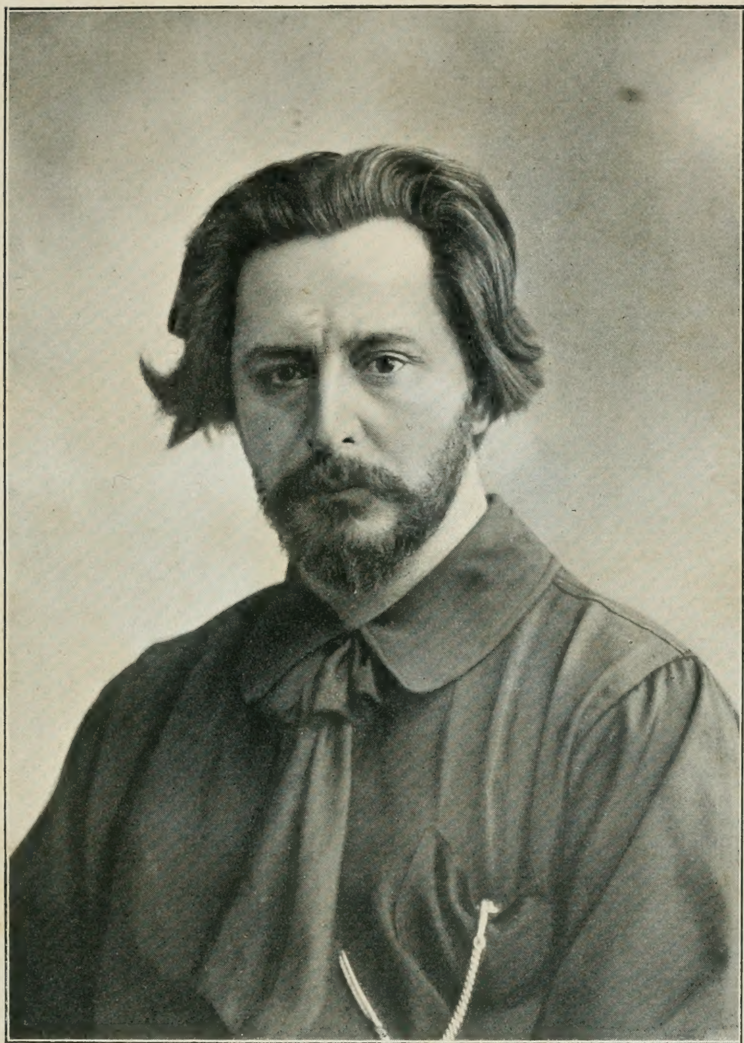

3 1761 06176716 6

К. ЧУКОВСКІЙ.

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ БОЛЬШОЙ И МАЛЕНЬКІЙ

К. ЧУКОВСКІЙ.

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ БОЛЬШОЙ и МАЛЕНЬКІЙ.

Жизнь Леонида Андреева.

Критическій очеркъ.

Леонидъ Андреевъ и его читатель.

Андреевъ въ русской критикѣ: по статьямъ Розанова, Мережковскаго, Минскаго, Философова, Гиппіусъ, Брюсова и др.

Библіографическій указатель.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Т-во „ИЗДАТЕЛЬСКОЕ БЮРО“.
1908.

Типо-Литографія „Лучъ“, Офицерская, 36.

Посвящается
Александру Тихоновичу Васильеву.

Жизнь Леонида Андреева.

1.

— „Кто бы могъ угадать въ безшабашномъ гимназистѣ, а затѣмъ въ безалаберномъ студентѣ Московскаго Университета девяностыхъ годовъ—будущаго писателя съ такимъ крупнымъ талантомъ?

„Товарищи его по Университету разсказывали мнѣ о немъ, какъ о типичномъ студентѣ, увлекающемся, влюбчивомъ и быстро охлаждающемся...

„Въ интимномъ кругу, говорятъ, существовалъ терминъ „пить по Андреевски“: аршинъ колбасы и аршинъ рюмокъ.

„Но быль,—если это и такъ,—молодцу не укоръ“.

Такія свѣдѣнія сообщаетъ объ Андреевѣ нѣкій Вс. Чаговецъ въ „Кіевской Газетѣ“ (1903, ноябрь).

Что же, онъ сообщаетъ ихъ по злобѣ, ослѣпленный гнѣвомъ? Ненавидя и обличая? Нѣтъ, вполнѣ благодушно, и, кажется, даже въ похвалу.

„Быль молодцу не укоръ, если это и такъ“,—говоритъ онъ—значитъ „это можетъ“

быть еще и не „такъ“? Значитъ, можетъ быть, развязный анекдотъ г. Чаговца — есть къ тому же и лживый анекдотъ?

Интересна эта сторона русскихъ нравовъ: подошелъ, облапилъ, рыгнулъ въ физіономію, наклеветалъ и насплетничалъ и все до такой степени благодушно, съ такимъ непобѣдимымъ простосердечіемъ, что ни сердиться, ни возмущаться никакъ не возможно; совершенно тонешь въ этомъ безбрежномъ морѣ благодушнаго хамства.

Это было одно изъ первыхъ свѣдѣній, которое русская печать сообщила о личности знаменитаго писателя: онъ пьетъ водку аршинами.

2.

Незадолго до этого мы узнали объ Андреевѣ нѣчто почище.

18 февраля 1903 года въ одномъ ученомъ обществѣ докторъ Ив. Ив. Ивановъ прочиталъ восторженный докладъ о разсказѣ Андреева „Мысль“ и тамъ, между прочимъ, сказалъ: „Леонидъ Андреевъ, — это не секретъ,—имѣлъ печальную возможность практически свести личное знакомство съ психіатріей — во время своего нахожденія въ спеціальной лѣчебницѣ“.

А черезъ недѣлю (27 февраля) Леонидъ Андреевъ письмомъ въ редакцію „Бирж. Вѣд. № 103 заявилъ, что никогда во всю жизнь не страдалъ никакими психическими заболѣваніями, въ больницѣ лежалъ только разъ

въ жизни, именно въ клиникѣ по внутреннимъ болѣзнямъ проф. Черинова, и что, стало быть, благодушная и даже восторженная клевета г. Иванова—есть клевета лживая и ни на чемъ не основанная.

3.

Въ Россіи почетнѣе быть фальшивомонетчикомъ, чѣмъ знаменитымъ русскимъ писателемъ.

Въ апрѣлѣ 1907 года въ Москвѣ на Петровкѣ у одного фотографа былъ выставленъ портретъ Андреева.

Фельетонистъ „Новостей Дня" г. Lolo обратился къ Андрееву съ такими куплетами:

Таланта нѣжная печать
Видна безъ вывѣски огромной...
Побереги талантъ свой скромный,
Вели, вели ее убрать.

Не то сейчасъ пойдутъ сравненія:
Что больше,—геній, иль портретъ?
И ты услышишь, безъ сомнѣнья,
Неутѣшительный отвѣтъ (Май 1907 г.).

А фельетонистъ „Русскаго Слова" г. С. Яблоновскій пошелъ еще дальше и сталъ критиковать физіономію, изображенную на портретѣ.

„Такая (у Андреева) бекеша, что изъ-за нея совсѣмъ даже не замѣтно лица самого ея владѣльца; оно кажется маленькимъ и незначительнымъ, и вы обратите на него вниманіе только тогда, когда вдоволь уже налюбуетесь бекешею".

Эта критика физіономіи общественнаго дѣятеля никого изъ русскихъ читателей даже не удивила; и вотъ, идя по этому пути еще дальше, В. В. Розановъ въ „Нов. Вр." написалъ такія невѣроятныя строки:

— „Если судить по многочисленнымъ фотографіямъ, развѣшеннымъ въ Петербургѣ по разнымъ витринамъ, гдѣ „Леонидъ Адреевъ" красуется около дѣвицъ Отеро, Кавальери и Клео де-Меродъ, то онъ, почти такъ же хорошъ, какъ тѣ барышни: еще молоденькій, лицо „съ мыслью", такой серьезный взглядъ, бородка ничего себѣ, не большая и не маленькая, не худъ и не толстъ, сложенъ очевидно хорошо. Снимается то въ европейскомъ костюмѣ, то по-русски. Жалко, что фотографіи не раскрашены: брюнетъ онъ или блондинъ?

4.

27-го нобяря 1906 года скончалась жена Леонида Андреева—Александра Михайловна, и онъ посвятилъ ей свою пьесу „Жизнь Человѣка" въ такихъ выраженіяхъ:

Свѣтлой памяти моего друга,
моей женѣ отдаю эту вещь,
послѣднюю
надъ которой мы работали вмѣстѣ
Леонидъ Андреевъ.

Россійское хамство дохлестнуло и до этой интимной страницы относящейся къ личнымъ переживаніямъ знаменитаго писателя, и В. Буренинъ не замедлилъ предъ лицомъ русскаго общества поиздѣваться надъ трауромъ

Леонида Андреева, и въ статьѣ „Жизнь Дурака-Модернъ“ предложилъ такую „пародію“:

Ворчливой памяти моей тещи
Макриды Закрути-Усы отдаю эту
вещь, послѣднюю,
за которую она обозвала меня
идіотомъ и Леонидомъ Андреевымъ.

А. В. Розановъ тутъ же, съ самымъ невиннымъ видомъ, въ такой деликатной формѣ бесѣдовалъ съ читателями о покойницѣ:

— „Меня забираетъ вопросъ: женатъ ли онъ (Леонидъ Андреевъ)? Должно быть и жена прехорошенькая. Такому молодцу не можетъ не быть во всемъ удачи“. (Нов. Вр. іюль 1907).

Я вовсе не обвиняю Розанова, Буренина, Сергѣя Яблоновскаго, Ив. Ив. Иванова и другихъ въ неприличномъ отношеніи къ личности Леонида Андреева, я только пытаюсь съ фактами въ рукахъ установить огромную степень общественнаго попустительства и обнаружить ту фантастическую невѣроятную бытовую обстановку, въ которой приходится расти и развиваться русскому дарованію.

Составленный мною и печатаемый нѣсколько ниже словарь эпитетовъ и названій, которыми опредѣляла Андреева русская критика, даетъ, я надѣюсь, еще кое какой матеріалъ для сужденія о той средѣ, въ которой произростаютъ наши культурные работники.

5.

Это бытовая сторона Андреевской біографіи, фактическую же сторону мы знаемъ изъ краткой замѣтки самаго Андреева, появившейся въ „Журналѣ для Всѣхъ“ (Январь 1903) тотчасъ же послѣ выхода нашумѣвшей повѣсти „Въ Туманѣ“.

Приводимъ эту замѣтку полностью:

— „Родился я, — говоритъ Андреевъ—въ 1871 г. въ Орлѣ, тамъ же учился въ гимназіи. Учился скверно, въ седьмомъ классѣ цѣлый годъ носилъ званіе послѣдняго ученика, и за поведеніе имѣлъ не свыше четырехъ, а иногда и три. Самое пріятное, проведенное въ гимназіи время, о которомъ до сихъ поръ вспоминаю съ удовольствіемъ,—это перерывы между уроками, такъ называемыя перемѣны, а также тѣ рѣдкіе, впрочемъ, случаи, когда меня „выгоняли“ изъ класса. Въ пустыхъ и длинныхъ коридорахъ звонкая тишина, играющая одинокимъ звукомъ шаговъ; по бокамъ запертыя двери, а за ними полные народу классы; лучъ солнца—свободный лучъ, прорвавшійся въ какую-то щель и играющій приподнятой на перемѣнѣ и еще не осѣвшей пылью,—все такъ таинственно, интересно и полно особымъ сокровеннымъ смысломъ.

Когда я еще учился въ гимназіи, умеръ мой отецъ, землемѣръ, и въ университетѣ мнѣ пришлось сильно нуждаться. На первомъ курсѣ въ С.-Петербургѣ я даже голодалъ — не столько, впрочемъ, отъ настоящей нужды, сколько отъ молодости, неопытности и неу-

мѣнія утилизировать лишнія части костюма. Мнѣ и сейчасъ стыдно подумать, что я могъ два дня ничего не ѣсть въ то время, какъ у меня было: двѣ или три пары брюкъ, два пальто, теплое и лѣтнее, и т. п. *) Оканчивалъ курсъ я въ Московскомъ университетѣ. Здѣсь матеріально жилось лучше: помогали товарищи и „комитетъ"; но въ другихъ отношеніяхъ я съ большимъ удовольствіемъ вспоминаю Петербургскій университетъ: въ послѣднемъ сильнѣе диференціація студенчества, и, среди рѣзко выраженныхъ и обособленныхъ группъ, скорѣе можно найти подходящую для себя среду. Въ 1894 г. въ январѣ я неудачно стрѣлялся; послѣдствіемъ неудачнаго выстрѣла было церковное покаяніе, наложенное на меня начальствомъ, и болѣзнь сердца, не опасная, но упрямая и надоѣдливая. За это время я дѣлалъ одну или двѣ неудачныя попытки писать, но съ большимъ удовольствіемъ и успѣхомъ отдавался живописи, которую люблю съ дѣтства, а именно: рисовалъ на заказъ портреты по 3 и по 5 р. штука. Усовершенствовавшись, я сталъ получать за портретъ по 10 и даже по 12 рублей.

Въ 1897 г. я получилъ дипломъ и записался въ помощники присяжнаго повѣреннаго, но съ самаго начала сбился съ правильнаго пути: мнѣ предложили давать судебные отчеты въ

*) Тутъ я написалъ первый свой разсказъ о голодномъ студентѣ. Я плакалъ, когда писалъ его, а въ редакціи, когда мнѣ возвращали рукопись, смѣялись. Такъ онъ и не былъ напечатанъ.

газету „Курьеръ“, только что возникшую. Практики юридической мнѣ за недосугомъ пріобрѣсти не удалось: было у меня всего-навсего одно гражданское дѣло, которое я проигралъ во всѣхъ инстанціяхъ, и нѣсколько уголовныхъ безплатныхъ защитъ.

Въ 1898 году я написалъ, по предложенію секретаря „Курьера“ И. Д. Новика, первый свой разсказъ, пасхальный, и затѣмъ уже цѣликомъ отдался литературной дѣятельности, довольно разнообразной: одно время я составлялъ судебные отчеты, писалъ фельетоны подъ различными псевдонимами и разсказы. Теперь я занимаюсь одной беллетристикой и лишь изрѣдка пишу статейки на общественныя темы. Сильно помогъ мнѣ въ литературномъ отношеніи своими всегда дѣльными совѣтами и указаніями Максимъ Горькій“.

Къ этой автобіографіи въ настоящее время сдѣлано три существенныхъ добавленія.

Во-первыхъ, Леонидъ Андреевъ покушался на самоубійство не однажды, какъ онъ самъ разсказываетъ о себѣ,—а трижды. Это разсказываетъ о немъ въ интересныхъ воспоминаніяхъ г. Петроній (П. П—ій):

— „Леонидъ Андреевъ покушался на себя и ножомъ, и револьверомъ Лефоше, и тогда, когда онъ бросился почти роковымъ и ужаснымъ образомъ подъ поѣздъ“. (Св. М. 908, апрѣль).

Во-вторыхъ, тотъ И. Д. Новикъ, который въ автобіографіи изображается въ видѣ перваго пробудителя Андреевскаго творчества

и нѣкоторымъ образомъ покровителя молодого таланта, здѣсь у г. Петронія, принимаетъ нѣсколько иное обличье:

— „Въ тихой запрудѣ редакціонной комнаты—повѣствуетъг . Петроній—сидѣли двое: страховой агентъ и „наше приданное“. Подъ „нашимъ приданнымъ“ мы разумѣли секретаря редакціи И. Д. Новика: „Курьеръ“ перешелъ въ руки новой редакціи съ непремѣннымъ условіемъ, чтобъ пухлый, и толстый Новикъ сталъ секретаремъ.

И Новикъ говорилъ:

— „Это недостаточно либерально. Вы пріѣхали изъ провинціи, а у насъ все работаетъ „столица“!

„Это тотъ самый Новикъ, который былъ уличенъ въ плагіатѣ едва ли не единственной своей передовой статьи, и который теперь состоитъ въ партіи „мирнообновленцевъ“, занимая должность секретаря „Московскаго Еженедѣльника“.

Страховой агентъ былъ редакторомъ, Новикъ былъ секретаремъ, а Леонидъ Андреевъ — судебнымъ хроникеромъ.

И судебному хроникеру не подавали руки, —тому самому судебному хроникеру, который однажды проснулся знаменитымъ“.

Въ-третьихъ, по словамъ г. Петронія, оказывается, что Максимъ Горькій помогъ Леониду Андрееву не только „совѣтами и указаніями“, а и дѣломъ.

По независящимъ обстоятельствамъ,—сообщаетъ г. Петроній,—пріостановился „Ниже-

городскій Листокъ", въ немъ постояннымъ сотрудникомъ былъ, между прочимъ, Максимъ Горькій. Постояннымъ сотрудникамъ газета разсылается. И редакція пріостановленнаго „Нижегородскаго Листка" вошла въ соглашеніе съ московской газетой „Курьеръ" объ удовлетвореніи подписчиковъ. Дѣло было передъ пасхой. А въ пасхальномъ номерѣ газеты „Курьеръ" былъ помѣщенъ разсказъ „Большой Шлемъ".

Максимъ Горькій запросилъ редакцію:

— Кто скрывается подъ псевдонимомъ Леонидъ Андреевъ?

Ему отвѣтили:

— Леонидъ Андреевъ!

Этого было достаточно, чтобъ тихая запруда редакціонной комнаты — страховой агентъ Фейгинъ, и секретарь редакціи, Новикъ,— стали уважительно жать руку Леониду Андрееву".

Если къ этому ко всему—къ редактору страховму агенту, не подающему руки; къ оскорбленію памяти покойной жены; къ критикѣ физіономи; къ публичнымъ заявленіямъ, что Андреевъ пьяница изъ сумасшедшаго дома; если ко всему этому прибавить, что 28 іюля 1907 г. два хулигана пытались застрѣлить Леонида Андреева изъ револьвера, то этимъ и можно считать его общественную сторону біографіи покуда законченной.

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ

БОЛЬШОЙ И МАЛЕНЬКІЙ.

Критическій очеркъ.

Критическій очеркъ.

1.

Трактирщикъ Тюха въ пьесѣ Андреева «Савва» былъ пьяница, сонливый и глупый, но у него была своя философія:

— Никакого Бога нѣтъ,—говорилъ онъ. И дьявола нѣтъ. И людей тоже нѣтъ. И звѣрей тоже нѣтъ. Ничего нѣтъ.

— Что же есть?

— Рожи однѣ есть. Множество рожъ. Все рожи, рожи, рожи. Очень смѣшныя рожи, я всегда смѣюсь. Я сижу, а онѣ мимо меня такъ и скачутъ, такъ и плывутъ. Я въ трактирѣ сижу и все вижу: меня нельзя обмануть. Какая рожа большая, какая маленькая, и всѣ онѣ такъ и плаваютъ, такъ и плаваютъ».

Если бы трактирщикъ Тюха не былъ пьяница, сонливый и глупый, и не сидѣлъ бы въ трактирѣ, а умѣлъ бы писать хорошіе разсказы и пьесы, онъ бы непремѣнно написалъ «Жизнь Человѣка», «Царь-Голодъ», «Такъ было», «Василья Ѳивейскаго», и всякія другія вещи, которыя, вмѣсто него, теперь такъ хорошо пишетъ его геніальный единомышленникъ Леонидъ Николаевичъ Андреевъ.

Куда бы ни посмотрѣлъ Андреевъ, что бы ни увидѣлъ, онъ всегда и во всемъ готовъ повторять вслѣдъ за трактирщикомъ Тюхой:

— «Никого нѣтъ... И Бога нѣтъ, и человѣка нѣтъ, и звѣря нѣтъ. Вотъ столъ — и стола нѣтъ. Вотъ свѣчка,—и свѣчки нѣтъ. Однѣ рожи».

Попробуйте впустить къ себѣ въ комнату героевъ Андреева и усадить ихъ рядомъ на стульяхъ. Какія фантастическія, невозможныя рожи! Жалкая рожа смѣшного человѣчка, въ бумажныхъ воротничкахъ, съ рыжими усиками, который очень любилъ негритянокъ. И рядомъ съ нимъ тотъ, что вообразилъ себя пѣтухомъ и хлопалъ руками, какъ крыльями. И тотъ, что собиралъ разноцвѣтныя бумажки и каждую называлъ милліономъ; и тотъ, что леталъ по воздуху со святымъ Николаемъ, посѣщая лѣчебницы и врачуя болящихъ. И дѣвица Анфиса, навѣки испугавшаяся, что послѣ смерти ей купятъ короткій гробъ, гдѣ нельзя будетъ вытянуть ноги.

И Вася, идіотъ, сынъ Василья Ѳивейскаго, съ неподвижной, огромной маской лица, хохотомъ раздирающій ее до ушей. И странные музыканты: тотъ, что со скрипкою, похожъ на скрипку; тотъ, что съ флейтой, похожъ на флейту; тотъ, что съ контрабасомъ, похожъ на контрабасъ. И тѣ четверо, что облѣпили трупъ повѣшеннаго и грызутъ его ноги, и аппетитно чавкаютъ, и трещатъ разгрызаемыми костями и все рожи, рожи, рожи, такъ и скачутъ, такъ и плывутъ онѣ мимо Леонида Андреева.

И такъ ужъ устроены глаза этого вдохновеннаго Тюхи, что все зримое воспринимаетъ онъ, какъ карикатуру, какъ уродливое отображеніе дѣйствительности.

Въ новой пьесѣ его «Царь-Голодъ» выведены крестьяне, босяки, рабочіе, интеллигенты буржуа и бюрократы,—всѣ общественные слои, всѣ классы, и про каждый онъ готовъ говорить словами Тюхи:

— «Это рожи. Множество рожъ. И я очень боюсь помереть со смѣху. Увижу такую рожу и начну хохотать, хохотать, хохотать и помру».

Пьеса «Царь-Голодъ» сочинена именно такимъ хохочущимъ Тюхой. Вотъ предсталъ передъ нимъ мужикъ,—Андреевъ чуть глянулъ на него, такъ и воскликнулъ съ хохотомъ: рожа!

— «Да это горилла!

— Боже мой! Неужели мы будемъ судить еще цѣлый зоологическій садъ!..

— Нѣтъ, это человѣкъ.

— Да нѣтъ, горилла! Вы посмотрите на его голову,

— На руки!

— Не нужно снимать намордника. Оно, быть можетъ, кусается!

— Оно кланяется!

— Оно человѣкъ!

— Да нѣтъ же! Оно дрессированное. Что это?

— Нуженъ каталогъ! Въ этихъ случаяхъ нельзя безъ каталога: какъ же мы будемъ судить, не зная, какъ оно называется!

— Какой странный фасонъ. Интересно познакомиться съ его портнымъ».

Когда же предъ этимъ Тюхой проходятъ рабочіе, то его своеобразное зрѣніе видитъ въ нихъ уродливыя части уродливыхъ машинъ.

— «Я молотъ! говоритъ одинъ рабочій.

— Я шелестящій ремень!—говоритъ другой.

— Я рычагъ!

— Я маленькій винтикъ, съ головою, разрѣзанной на-двое. Я ввинченъ наглухо. И я молчу. Но я дрожу общей дрожью, и вѣчный гулъ стоитъ въ моихъ ушахъ».

И дальше Андреевъ доводитъ дѣло до того, что одинъ партійный писатель даже обидѣлся на него за эти рожи и назвалъ его образы «почти клеветническими», а его самого «безнадежнымъ мѣщаниномъ». По словамъ этого «безнадежнаго мѣщанина».

— «Первый рабочій, могучей фигурой своей и выраженіемъ крайней усталости, походитъ на Геркулеса Фарнезскаго. Ширина обнаженныхъ плечъ, груда мускуловъ, собравшихся на рукахъ и на груди, говорятъ о необыкновенной силѣ, которая уже давитъ и отягощаетъ обладателя ея. И на огромномъ туловищѣ — небольшая. слабо развитая голова съ низкимъ лбомъ и покорными глазами; и въ томъ, какъ наклонена она впередъ, чувствуется какая-то тяжелая и мучительная бычачья тупость»...

Другой изъ нихъ — «сухой безцвѣтный старикъ, будто долго, всю жизнь, его мочили въ кислотахъ, съѣдающихъ краски. Такъ же безцвѣтенъ и голосъ его; а когда онъ говоритъ, кажется, будто говорятъ милліоны безцвѣтныхъ существъ, почти тѣней».

А босяки и хулиганы — лучше-бъ они не проходили мимо Тюхи, лучше-бъ они затаились гдѣ-нибудь въ подвалахъ, ибо и у нихъ не нашелъ онъ обыкновенныхъ, милыхъ своею обыкновенностью, человѣческихъ лицъ, а все тѣ же страшныя «рожи»: «сплошное, дикое и злое уродство, только смутно напоминающее человѣка. Почти полное отсутствіе лба,

уродливое развитіе черепа, широкія челюсти, что-то скотское или звѣриное въ походкѣ и движеніяхъ дѣлаютъ ихъ существами какъ бы совсѣмъ особой расы»—говоритъ онъ. Одѣты фантастически и грязно, и только сутенеры щеголяютъ нелѣпо франтовскими нарядами, пестрыми галстухами и даже тщательно расчесанными проборами на головахъ микроцефаловъ. Нѣкоторыя лица очень темны; другія очень красны; и есть нѣсколько зловѣщихъ лицъ, блѣдныхъ смертельно, совершенно бѣлыхъ, съ яркими пятнами румянца на скулахъ».

Инженеровъ, художниковъ, судей, чиновниковъ и аббатовъ, выступающихъ въ этой пьесѣ, не слѣдуетъ и напоминать: всѣ запомнятъ милліонершу, у которой пальцы до самыхъ ногтей унизаны перстнями. И инженера, который такъ долго сморкается. И двухъ судей, необыкновенно худыхъ и тощихъ, съ длинными вытянутыми до чрезмѣрности лицами, у которыхъ рты похожи на перевернутую ижицу. И двухъ другихъ, чрезмѣрно толстыхъ, бочкообразныхъ, сонныхъ, у которыхъ рты кружечками и напоминаютъ верхушку задернутаго кошелька. И того, у котораго носъ, «совсѣмъ какъ кончикъ собачьяго хвоста», и онъ облизываетъ его языкомъ.

Какъ страшно быть Тюхой!

Точно въ кошмарѣ вертятся передъ нимъ люди-химеры, какія-то глыбы декольтированнаго мяса, какіе-то уродливые обрѣзки, сцѣпленія выпяченныхъ животовъ, слюноточивыхъ губъ, какъ будто всѣ люди, всѣ вещи, всѣ явленія вдругъ взбѣленились, сошли съ ума, заплясали канканъ и пошли корчить страшныя дьявольскія рожи. Весь видимый міръ, вся вселенная, точно наѣлась какого-то дурману.

сорвалась съ послѣднихъ петель и вся цѣликомъ, каждой своей пушинкой, каждой ниточкой своей пустилась въ невиданный плясъ и состроила Тюхѣ-Андрееву одну огромную рожу.

А онъ срисовалъ эту рожу, и у него получилась пьеса «Царь-Голодъ».

2.

Пьесу «Царь-Голодъ» нужно ставить въ циркѣ Чинизелли, или на Марсовомъ полѣ, на балаганахъ. Она не для театральнаго партера. Она словно не перомъ написана, а метлой, шваброй,—и, когда я читаю ее, мнѣ кажется, что я слышу, какъ стучатъ въ огромный барабанъ.

— Бумъ! бумъ! бумъ!

На барабанѣ сыграешь ли фугу Баха? Ея юморъ вульгаренъ, ея символы примитивны, она вся—для послѣднихъ рядовъ райка. Тамъ будутъ толпиться воскресные зрители, и грызть подсолнухи, и обсыпать шелухой передніе ряды, и раззѣвать рты, и хлопать закорузлыми руками, а въ переднихъ рядахъ зрители, очень похожіе на тѣхъ, которые изображены въ самой пьесѣ, будутъ вести разговоры, очень похожіе на тѣ, которые ведутся опять-таки въ самой пьесѣ:

— «Душа моя кипитъ негодованіемъ и презрѣніемъ къ человѣчеству.

— Оставь, развѣ тебѣ не все равно.

— Но пойми же!

— Ты волосы завиваешь, или они вьются отъ природы?

— Слегка.

А у меня начинается лысина. Это въ 24 года!

— Уголовное право, сударыня, раздѣляется на двѣ части: на первую часть и на вторую часть»...

И всѣ эти разговоры приведутъ «зрителей» передняго ряда къ заключенію, что пьеса трактирщика Тюхи «Царь-Голодъ»—пьеса лубочная, аляповатая и вульгарная, и что такихъ пьесъ рѣшительно не слѣдуетъ писать.

Но трактирщикъ Тюха есть трактирщикъ Тюха, и интересенъ только тогда, когда говоритъ о «рожахъ». Стоитъ ему хоть на минуту забыть объ этихъ единственныхъ своихъ герояхъ и отвлечься въ сторону отъ трактирной философіи, ну хотя бы къ символамъ и аллегоріямъ, какъ онъ становится скученъ, фальшивъ и необычайно фразистъ, и безъ конца расточаетъ такія реченія:

«Посмотри на мое лицо,—развѣ не страшно оно. Взгляни въ мои глаза—ты увидишь въ темнотѣ, какъ горятъ они огнемъ кроваваго бунта. Время настало, старикъ! Земля голодна. Она полна стонами. Она грезитъ бунтомъ. Ударь же въ твой колоколъ, старикъ, раздери до ушей его мѣдную глотку! Пусть не будетъ спящихъ... Правда, когда наступаетъ ночь, и тишиною одѣвается время, оттуда—снизу—приходятъ слабые стоны... Плачъ дѣтей... Это оттуда: изъ проклятаго города... Какъ будто стонъ всей земли слышу я, и это не даетъ мнѣ спать. Я старикъ, я усталъ, мнѣ нужно спать, а они не даютъ. Мнѣ хочется умереть. Смерть, старая подружка, когда же ты возьмешь меня?.. Страшно ночью на колокольнѣ, когда мерцаетъ внизу городъ неугасающими огнями, и стонетъ въ кошмарѣ земля».

И такъ далѣе, и такъ далѣе, и такъ далѣе. Плохо Тюхѣ безъ «рожъ». У словъ его пропадаютъ мускулы,

они становятся дряблыми, текучими, и, когда я слышу ихъ десять, я спрашиваю,—почему ихъ не сто? За ними нѣтъ образовъ, и они уныло топчутся на одномъ мѣстѣ, подталкивая другъ-друга, зѣвая и вызывая зѣвоту.

Но едва только начались первыя сцены, и на подмосткахъ появились любезныя Тюхѣ «рожи»,— Тюха оживился, Тюха загоготалъ, Тюха забилъ въ огромный барабанъ: бумъ, бумъ, бумъ, и все заплясало, заскрипелось, зазмѣилось, и уже ко второму акту мнѣ стало ясно, что предо мною великое созданіе барабаннаго искусства, великій шедевръ швабры; вдохновенный, какъ брань на базарной площади; убѣдительный, какъ пощечина.

О, швабра совсѣмъ не плохая вещь для революціоннаго поэта! И Тюхины рожи здѣсь могутъ плясать невозбранно, здѣсь—въ революціонной поэзіи,—онѣ необходимѣе всего. До сихъ поръ, когда мнѣ говорили: «революціонная поэзія», я неизбѣжно представлялъ себѣ г-жу Галину, съ розовымъ бантикомъ на шеѣ, — какъ она стоитъ на эстрадѣ и улыбается:

Какъ я рада, какъ я рада,
Что я строю барикаду.

И такъ скоро я привыкъ къ этимъ невиннымъ риѳмамъ: свобода—народа; бой—долой; тиранъ—барабанъ, и меня даже отъ нихъ слегка укачивало, и я скоро понялъ, что поэтъ Скиталецъ только по ошибкѣ называется Скиталецъ, а на самомъ дѣлѣ онъ Сидѣлецъ, и поэзія его сидѣльческая,—покуда не пришелъ Тюха и не нарисовалъ мнѣ страшныхъ рожъ: какъ сытые судятъ голодныхъ; какъ побѣдители цѣлуютъ жерла пушекъ; какъ рабочіе поютъ гимнъ машинѣ; какъ «госпожи проститутки и

стервы, господа хулиганы, карманники, убійцы, сутенеры объявляютъ засѣданіе открытымъ; какъ кюре улыбаются правой стороною лица, а лѣвою смотрятъ съ ненавистью, — мнѣ нужны были рожи, рожи и рожи, чтобы я понялъ, что розовый бантикъ г-жи Галиной и синяя рубаха Скитальца еще не лучшее изъ того, что можетъ дать человѣчеству революціонная поэзія.

Это не розовый бантикъ.

Это поэзія огромныхъ перспективъ, широчайшихъ возможностей, а не стишки про дурного городового.

Она должна выйти на базаръ съ вульгарнымъ гиканьемъ и свистомъ, съ уличными остротами и площадными ругательствами, она должна сама для себя создать новыя эстетическія требованія, а не танцовать отъ печки Надсона или Михайлова-Шеллера, она должна позабыть все: и Гомера, и Данте, и Вергилія, и прибить на Парнасѣ табличку: «за отъѣздомъ сдается въ наемъ», ибо ни при Гомерѣ, ни при Данте, ни при Вергиліи не было такихъ высокихъ фабричныхъ трубъ, такихъ огромныхъ вывѣсокъ, такихъ автомобилей, улицъ, кинематографовъ.

Муза не бойся!
Жужжаніе нашихъ машинъ и рѣзь паровозныхъ свистковъ
Ее ль устрашатъ?
Стоки дренажа, фертилизаторъ и циферблатъ газометра
Ее ли смутятъ?
Привѣтно смѣется и рада остаться, ей любо сидѣть окруженной
На кухнѣ посудой кухонной.

(Уотъ Уитманъ.)

Пьеса Андреева «Царь-Голодъ» и кажется мнѣ первымъ и великимъ опытомъ на пути къ осуществленію такой поэзіи. Андреевъ, внесшій въ русскую литературу свой стиль и, свои темы, и свои художественные пріемы,—является новаторомъ и здѣсь *).

---

*) Въ прошломъ году, можетъ быть замышляя уже „Царь Голодъ" Андреевъ сказалъ одному интервьюэру: „Вмѣстѣ съ новымъ читателемъ и съ введеніемъ девятичасового рабочаго дня освободится много народу: поэтому будетъ не только новый читатель но и новый зритель. Онъ создастъ новую сценическую литературу. Вообще все то, что раньше было у декадентовъ— этотъ рокфоръ литературы исчезнетъ и замѣнится какимъ то чернымъ хлѣбомъ, котораго до сихъ поръ у насъ не было".

3.

Не слѣдуетъ думать, что рожи, которыя толпятся вокругъ Тюхи-Андреева—рожи исключительно внѣшнія, тѣлесныя, наружныя рожи. Чаще всего бываетъ, что рожами для него оказываются самые благообразные, почтенные люди — напр., тотъ помощникъ дѣлопроизводителя четвертаго стола Семенъ Васильевичъ Котельниковъ, котораго онъ изобразилъ въ прелестномъ разсказѣ «Оригинальный человѣкъ».

Это человѣкъ очень обыкновенный и даже милый, но душа у него страшная и фантастическая, потому что вся она цѣликомъ, — и вся его духовная личность, и все его сложное и богатое человѣческое «я», — все уложилось въ одну фразу, въ одно крошечное восклицаніе:

— Я очень люблю негритянокъ. Въ нихъ есть нѣчто экзотическое.

Фраза эта была лживая, потому что помощникъ дѣлопроизводителя четвертаго стола Семенъ Васильевичъ Котельниковъ не любилъ и не видѣлъ негритянокъ, но онъ всю жизнь прожилъ этой фразой, и у души его не было ни вѣры, ни любви, ни убѣжденій, ни страстей, а только одна эта фраза:

— Я очень люблю негритянокъ. Въ нихъ есть нѣчто экзотическое.

Это фразой онъ сдѣлалъ карьеру, женился, пріобрѣлъ славу, вообще уваженіе, пособіе изъ сверхсмѣтныхъ суммъ, и даже на смертномъ одрѣ только и могъ сказать священнику:

— Я, батюшка, очень люблю негритянокъ. Въ нихъ есть нѣчто экзотическое.

Лицо у этого фантастическаго человѣка было самое благообразное, но душа у него была рожа, и мнѣ кажется, что всѣ герои Андреева немного сродни этому страшному человѣку. На каждаго изъ нихъ приходится, въ сущности, по одной фразѣ, всѣ они выразители какой нибудь одной спеціальной черты нашей духовной сущности, при полнѣйшемъ отсутствіи другихъ; у всѣхъ у нихъ не душа, а какой-нибудь клочечекъ, отрывочекъ души, притворяющійся душою; не душа, а рожа. И великая магія Андреевскаго искусства въ томъ, что эти вздутые, взбитые, выпяченные клочечки и отрывочки человѣческихъ душъ онъ умѣетъ какимъ-то колдовствомъ выдать за живыя цѣлостныя, недѣлимыя, человѣческія души.

Такъ, хорошіе карикатуристы изображаютъ, порою, одинъ сплошной носъ, или одну только губу, и выдаютъ намъ ее за лицо человѣческое, и такъ могущественно ихъ искусство, что мы вѣримъ имъ, и бываемъ убѣждены, что такія лица встрѣчали во множествѣ.

У всѣхъ Андреевскихъ персонажей души перекошены въ одну какую-нибудь сторону, какъ щеки отъ карикатурнаго флюса.

Всѣ духовныя стороны Василья Ѳивейскаго ушли въ религіозную вѣру—и вздулись, какъ уродливый горбъ. У доктора Керженцева вздулась горбомъ его

мысль, — и какую странную карикатуру представлялъ бы онъ изъ себя, если бы человѣческія души, какъ и тѣла, были подвластны графическому искусству. Въ разсказѣ «Иностранецъ» у Райко Вукича — вся душа — одинъ сплошной патріотизмъ, у Саввы — одинъ сплошной анархизмъ, у Сергѣя Николаевича изъ пьесы «Къ звѣздамъ» — одинъ сплошной раціонализмъ, и нужно обладать почти геніальною творческой силой, чтобы эти разбухшіе крупицы человѣческихъ душъ выдать за цѣлостныя и живыя души, чтобы эти страшныя и невозможныя «рожи» утвердить въ нашемъ сознаніи, какъ нѣчто обычное и обыденное.

У чиновника Семена Васильевича душа была «рожа», потому что, какъ огромный носъ у карикатуры, у этой души была одна только фраза о негритянкахъ. Но въ повѣсти «Мысль» у доктора Керженцева тоже одна фраза: мысль.

У героя «Краснаго Смѣха» тоже одна фраза: война.

У героя «Проклятія звѣря» тоже одна фраза: городъ.

У Василья Ѳивейскаго тоже одна фраза — вѣра.

И такъ дальше. Одно свойство, одна черточка, одинъ тезисъ, одна фраза растетъ и ширится и разбухаетъ, какъ нога въ водянкѣ, а всѣ другія свойства и черточки, и тезисы искусственно уменьшаются, отрѣзываются, отбрасываются, и такимъ образомъ получаются всѣ эти Васильи Ѳивейскіе, Саввы, Керженцевы и другія духовныя «рожи», — и, что интереснѣе всего, — всѣ они отдѣляются у Андреева крѣпкою какою-то перегородкою, изолируются другъ отъ друга и ни на одно мгновеніе другъ о

другѣ не догадываются, и тотъ, что любитъ негритянокъ, не знаетъ, напр., трагедіи человѣческаго познанія, ибо это спеціальность доктора Керженцева.

Докторъ Керженцевъ не знаетъ трагедіи человѣческой вѣры, ибо это спеціальность «Василья Өивейскаго».

Василій Өивейскій не знаетъ трагедіи смерти, ибо это спеціальность героя «Жизни Человѣка».

Герой «Жизни Человѣка» не знаетъ кроваваго безумія, ибо это спеціальность героя повѣсти «Красный Смѣхъ».

Герой повѣсти «Красный смѣхъ» не знаетъ городского кошмара, ибо это спеціальность героя повѣсти «Проклятіе Звѣря».

У каждаго изъ героевъ Андреева своя спеціальность, своя монополія на какое нибудь одно переживаніе, которое онъ исчерпаетъ до конца, и которое больше ни у кого изъ героевъ Андреева не повторится, —свой собственный патентъ на духовную рожу; у каждаго свой департаментъ для эксплуатаціи спеціальныхъ трагедій, и Андреевъ строго блюдетъ, чтобы, не дай Богъ, на одного героя не пришлось по двѣ трагедіи, или, что еще хуже, кто-нибудь остался бы совсѣмъ безъ трагедіи. Всѣмъ поровну! На каждаго хватитъ!

4.

У Зудермана бываютъ такія пьесы. Беретъ онъ одну какую-нибудь тему, — родину, или честь, или еще что нибудь, и вотъ его персонажи, словно всѣ помѣшаются на этой темѣ, только о ней и говорятъ, только о ней и думаютъ, только ее и осуществляютъ, поворачиваютъ ее на всѣ стороны, и не смѣютъ ни на одну минуту побыть безъ нея, сами собою, и сами съ собою, даже сигары безъ нея не смѣютъ закурить, и тѣ, что занимаются честью, ни разу не задумались о родинѣ, и тѣ, что родиной — словно воды въ ротъ набрали, молчатъ о чести, и, такимъ образомъ, во всѣхъ отношеніяхъ походятъ на героевъ Андреевскихъ трагедій.

И тѣ и другіе—«рожи». Но «рожи», написанныя не буйной и дикой и вдохновенной кистью, а методически, систематически, по заранѣе составленному плану. У одного чрезмѣрно увеличена вѣра, у другого любовь къ родинѣ, у третьяго страсть, у четвертаго власть, у пятаго городъ, у шестого голодъ, — и все это сдѣлано почти механически, по одному методу, и порою походитъ не на карикатуру, а на чертежъ, на схему, — и появляется подозрѣніе, что такой рожи Тюха никогда не видѣлъ, и никогда ея не боялся, а просто сочинилъ ее съ помощью циркуля и линейки, и хочетъ пугать ею другихъ, а самъ

совершенно къ ней равнодушенъ, ибо рожа эта теоретическая, ненатуральная, добытая искусственнымъ способомъ.

И еще больше подтверждаетъ въ этомъ подозрѣніи то, что Андреевъ никогда къ своей темѣ не ворочается. Обработаетъ ее и забудетъ и берется за другую.

А ту первую обронилъ, потерялъ, и никогда уже не найдетъ, не встрѣтитъ; а если встрѣтитъ, то пройдетъ, не узнавши.

Одной темы, которая всегда владѣла бы имъ, у него нѣтъ.

Трагедію города онъ обрабатываетъ такъ же хорошо, какъ и трагедію вѣры; трагедію бытія такъ же хорошо, какъ и трагедію голода.

Но ни одна изъ обрабатываемыхъ трагедій не овладѣла имъ больше другихъ, ни одна не стала его собственной. Послѣ «Жизни Василья Өивейскаго» онъ ни разу не касался вѣры, послѣ доктора Керженцева—онъ позабылъ навсегда о мысли, послѣ «Краснаго Смѣха» о войнѣ. Отзвонилъ и ушелъ. Поставилъ точку и взялся за новое.

Странный, почти фантастическій писатель! Какъ ни мѣнялся Толстой, у него во всѣхъ обличьяхъ одна неизмѣнная тема; у Достоевскаго тоже. У Баранцевича у Зайцева, у Анатолія Каменскаго, у каждаго большого и маленькаго, если онъ живой человѣкъ, есть одно свое завѣтное, интимное, задушевное, а Леонидъ Андреевъ, словно проклятый невѣдомымъ проклятіемъ, проходитъ мимо всего загадочно-чужой. Подойдетъ къ любому предмету, къ любому вопросу, къ любой идеѣ, посмотритъ на нее и пройдетъ мимо

Подойдетъ, посмотритъ и пройдетъ. Подойдетъ, посмотритъ и пройдетъ.

И оттого, что онъ смотритъ недолго, и только на одну точку, и только затѣмъ, чтобы пройти, — всѣ лица, предметы, явленія и кажутся ему рожами. Если бы онъ смотрѣлъ подольше, и не только смотрѣлъ, а и жилъ, онъ бы увидалъ въ предметахъ множество другихъ сторонъ, множество смягчающихъ тѣней, оттѣнковъ, переливовъ — и рожи стали бы отъ этого лицами, или даже ликами, какъ предъ взоромъ Толстого или Чехова, и жизнь бы стала многозвучной, многокрасочной, безъ искусственной монополизаціи отдѣльныхъ трагедій, безъ насильственнаго отъединенія каждой спеціальной трагедіи въ какой-нибудь отдѣльной спеціальной душѣ человѣческой.

А теперь Андреевская всякая повѣсть есть въ сущности лицедѣйство «рожъ», скрытая буффонада, замаскированная оффенбаховщина. Онъ таилъ это даже отъ самого себя, свои оперетки онъ выдавалъ за оперы, потому что сильны надо всякимъ русскимъ писателемъ Чеховскія, Толстовскія, Тургеневскія наважденія, и, какимъ бы Оффенбахомъ онъ ни былъ въ душѣ, какія бы смѣшныя и страшныя и фантастическія рожи предъ нимъ ни канканировали, ему трудно, почти невозможно выкарабкаться изъ традицій національнаго искусства, которое требуетъ отъ художника такой же суровой, безнадежной и трезвой живописи, какъ и тѣ безлѣсныя покрытыя снѣгомъ равнины, на которыхъ оно родилось.

И Андреевъ, въ душѣ великій буффонеръ, великій тайновидецъ «рожъ», до сихъ поръ долженъ былъ поселять эти души-рожи въ обыкновенныя

тѣла Чеховскаго и Толстовскаго обихода, окружать ихъ обыкновенными, интимными, милыми, мелкими подробностями и достигать того, что каждый изъ его мономановъ,—какая-нибудь ходячая трагедія за номеромъ такимъ-то, раздутая крупинка человѣческой души, казалась вамъ чѣмъ-то совсѣмъ не страшнымъ, привычнымъ и мирно-поэтическимъ.

Таковъ великолѣпный «Воръ», таковъ «Губернаторъ», таково «Въ туманѣ», и нѣсколько другихъ вещей, гдѣ Тюха притворяется обыкновеннымъ хорошимъ русскимъ беллетристомъ,—и только изрѣдка онъ нарушалъ это притворство и рѣшался выпустить на подмостки свои «рожи, рожи и рожи» для настоящаго сальтомортале, для откровеннаго канкана, для кувырканія и свистопляски, и писалъ такіе еще никѣмъ не оцѣненные шедевры, какъ «Бенъ-Товитъ», «Христіане», «Оригинальный человѣкъ», «Большой шлемъ», вещи большого символистическаго лукавства, острой діалектики, и въ литературномъ отношеніи безупречные. Но все же и здѣсь стыдился себя и многія «рожи» утаивалъ.

И только теперь, написавъ «Царь-Голодъ»,— впервые — вдругъ сбросилъ всякія прикрытія, взялъ огромный бубенъ и, ничего не боясь, разбилъ на Марсовомъ полѣ большой балаганъ и напустилъ туда на подмостки свои любимыя «рожи» въ ихъ настоящемъ обличьи, и онѣ впервые заговорили тѣмъ голосомъ, который единственно и подобаетъ откровеннымъ балаганнымъ «рожамъ»:

Царь Голодъ.

Ты что сдѣлалъ, голодный?

— Я изнасиловалъ барышню въ лѣсу.

Выраженіе ужаса и пріятнаго волненія.

— Какой ужасъ!

— Вотъ звѣрь!

— Это и меня захватываетъ.

— Позоръ для человѣчества такіе люди.

— Котораго?

Царь Голодъ.

— Почему ты это сдѣлалъ?

— Замужъ за меня она вѣдь не пошла бы. А мнѣ очень ее захотѣлось.

— Почему ты не удовольствовался женщинами, какія есть у васъ, голодный?

— Наши женщины грубы и некрасивы отъ голода и работы. А эта была нѣжная и тонкая, съ бѣлыми руками. А ребенокъ у нея будетъ?

— Нѣтъ, мы приняли искусственныя мѣры и удалили зародышъ.

Голодный, угрюмо:

Хитрые.

— Что можешь ты сказать въ свое оправданіе, голодный?

...Преступленія, посятательства на женскую честь дѣлятся на...

— Ахъ погодите, г. Профессоръ, такъ интересно.

— Въ оправданіе? Что если бы я могъ, я изнасиловалъ бы вотъ ту, и вонъ ту, и вонъ ту. Старуху въ красномъ не сталъ бы, пусть остается вамъ.

Старушка падаетъ въ кратковременный обморокъ.

Всѣ въ волненіи.

— Какой ужасъ! Это настоящій звѣрь!

— И меня! Вы замѣтили, онъ показалъ на меня. Онъ согласенъ меня изнасиловать!

— Вы ошибаетесь. Онъ показалъ на меня».

Вотъ какимъ языкомъ заговорилъ Тюха, когда впервые ему удалось распахнуться во-всю.

Это страшно заманчиво, это увлекательно до безконечности, это весело и жутко посмотрѣть на общественный бытъ, на соціальный укладъ карикатурящимъ окомъ Тюхи, и увидѣть въ юстиціи, въ войскѣ, въ искусствѣ, въ наукѣ, въ семьѣ, въ государствѣ — «рожи, рожи и рожи»—и превратить все общественное дѣланіе въ одну грандіозную клоукаду. У этой клоукадѣ, какъ у всякой истинной клоукады, есть своя логика и свои внутренніе законы, и, если признать ся исходную точку, — во всемъ дальнѣйшемъ она развивается такъ же правильно и закономѣрно, какъ сама реальная жизнь, — и опять-таки чуть Андреевъ на мгновеніе оторвется отъ излюбленныхъ «рожъ», и попробуетъ скрыть, что онъ Тюха, и создастъ для этого такіе возвышенные символы, какъ Время, Смерть и Царь-Голодъ, онъ станетъ произволенъ, случаенъ, безнадежно скученъ. Особенно этотъ Царь-Голодъ! Прочитываешь пьесу Андреева разъ, и другой, и третій, вспоминаешь всѣ мельчайшія подробности, и фатально забываешь всякій разъ о самомъ Царѣ-Голодѣ, который вѣчно болтается подъ ногами, куда-то откуда-то перебѣгаетъ, что-то кому-то обѣщаетъ, кого-то надуваетъ и рѣшительно не хочетъ замѣтить, что онъ въ этой пьесѣ совершенно посторонній, и что если бы онъ ушелъ изъ пьесы навсегда, то никто бы этого не замѣтилъ. Тюхѣ ли заниматься символизмомъ.

Намѣреніе автора, когда онъ возлагалъ на Царя-Голода такую неподобающую отвѣтственную роль ясны. Андреевъ хотѣлъ показать трагизмъ такого могучаго фактора міровой исторіи, какъ голодъ. Трагизмъ

голода, вѣчная и неизбѣжная антиномичность между стремленіями голода и его достиженіями, вѣчно-одинаковая служба голода двумъ враждующимъ станамъ, заставила нашего поэта олицетворить это отвлеченное начало, даровать ему душу и показать, какая въ ней совершается трагедія.

Но трагедій не показываютъ; ихъ переживаютъ. А Леонидъ Андреевъ, онъ даже не показываетъ, а дѣлаетъ трагедіи, заготовляетъ ихъ, какъ мы видѣли, цѣлыми партіями, и «Царь-Голодъ» только одинъ изъ экземпляровъ его обширной коллекціи. Андреевъ сдѣлалъ уже трагедію бытія, трагедію вѣры, трагедію истины, трагедію войны, трагедію власти, и вотъ въ ихъ ряду появилась еще одна кустарная трагедія—«Царь-Голодъ». Трагедій дѣлать нельзя; у каждаго изъ насъ по одной трагедіи; а кто предложитъ мнѣ ихъ цѣлый десятокъ—у того я не возьму ни одной.

И,—что загадочнѣе всего,—предложеніе трагедій у Андреева соотвѣтствуетъ спросу. Это не просто трагедіи, а трагедіи модныя, сезонныя трагедіи.—Мнѣ жутко было замѣтить подъ повѣстью «Красный Смѣхъ»—дату «ноябрь 1904», подъ повѣстью «Губернаторъ» дату «августъ 1905», подъ повѣстью «Такъ было» «октябрь 1905» — потому что эти даты показали мнѣ, что Андреевъ изготовлялъ свои міровыя трагедіи «по заказу», что въ этихъ міровыхъ трагедіяхъ значительную роль играетъ такое же своеобразное репортерство, какое есть, напр., въ романахъ Боборыкина. Но только Боборыкинъ всегда писалъ свои репортерскіе отчеты, нисколько не скрывая, что это репортерскіе отчеты, а Леонидъ Андреевъ непремѣнно изготовляетъ изъ каждаго репортерскаго отчета по одной міровой трагедіи...

Когда была война появился «Красный Смѣхъ»; когда пришла свобода, появился «Губернаторъ»; когда началась революція, появилось «Такъ было»; когда революція кончилась, — появился «Царь-Голодъ». Такая воспріимчивость очень хорошая вещь, но это воспріимчивость репортера, а не трагика и не символиста. Я преклоняюсь предъ творчествомъ Леонида Андреева, но въ какомъ-то порядкѣ его творчество, какъ трагическаго писателя, кажется мнѣ злободневнымъ и фельетоннымъ. И потому мнѣ было такъ непріятно, что въ «Царѣ-Голодѣ», который я люблю, есть Царь Голодъ, ибо это означало, что Леонидъ Андреевъ снова захотѣлъ изготовить и изготовилъ новую фельетонную трагедію, изготовилъ «по заказу», «къ сроку», «по-Боборыкински»—и съ чутьемъ геніальнаго фельетониста выразилъ нынѣшнюю злобу дня довлѣющую дню въ такой символической сценѣ:

— Скажите, вы не были сегодня на мертвомъ полѣ, когда пѣлись торжественные гимны пушкѣ?

— О, да. Я была съ мамой. Это было такъ торжественно. Мы всѣ плакали. Кто сочинилъ слова молитвы, вы не знаете? Они такъ прекрасны.

— Говорятъ, аббатъ.

— Нѣтъ, это неправда. Ихъ сочинилъ въ восторгѣ самъ народъ.

— Было такъ трогательно, когда матери подносили къ пушкѣ маленькихъ дѣтей и заставляли цѣловать ее. Нѣжныя дѣтскія ручки, довѣрчиво обнимающія это мѣдное чудовище,—какъ это трогательно!

— Какъ прекрасно! Я мужчина—но я плакалъ.

— Всѣ плакали.

— Махали платками. Кричали.

— А флаги развѣвались!

— И солнце вышло изъ-за тучъ и освѣтило насъ.

— Только насъ.

— Да—эти все время оставались въ тѣни. Солнце не захотѣло взглянуть на нихъ.

— А мнѣ жаль, что все это скоро уберутъ. Это мѣсто было бы такъ удобно для вечернихъ прогулокъ. Здѣсь такъ тихо.

— Осторожнѣе, кровь.

— Ничего, она уже засыхаетъ. А въ городѣ невозможно оставатся отъ грохота и лязга желѣза.

— Да вездѣ куютъ цѣпи. Къ сожалѣнію, это необходимо.

— Но развѣ нельзя было бы сдѣлать это какъ-нибудь тише! Положительно глохнешь отъ стука молотковъ. Это отзывается и на нервахъ. Мнѣ всю ночь снилась безконечная желѣзная цѣпь, которая облегаетъ земной шаръ. Нужно куда-нибудь уѣхать.

— Правда, какая тишина!

Вотъ эта то нарочитая злободневность трагичности—оставляла для меня неприятный привкусъ на всемъ творчествѣ Андреева. Чувствовалась какая то лихая ремесленность въ этомъ своевременномъ изготовленіи заказанныхъ публикой трагедій.

Трагичность голода? Могу.—Трагичность города? Могу! Трагичность вѣры, власти, познанія, бытія—чего угодно, все могу. У меня по таксѣ. Не угодно ли прейсъ курантъ?

Такое залихватское отношеніе къ великому своему дарованію, такое неуваженіе къ тому Богу, который, наперекоръ всему, поселился въ душѣ этого геніальнаго писателя и, не смотря ни на что, не хочетъ

оттуда уйти,—дѣлало для меня всегда непріятнымъ и мучительнымъ чтеніе самыхъ лучшихъ вещей Андреева, и, когда недавно Мережковскій заспорилъ на страницахъ «Русской Мысли» съ Андреевымъ о Богѣ, я подумалъ: неужели Мережковскій такъ близорукъ, что не видитъ, что Андреевскій Богъ сдѣланъ изъ папье-маше, и что Андреевъ только потому и выклеилъ Бога, что Богъ ему понадобился для одной изъ заказанныхъ ему трагедій!

Мережковскій, видя какъ русская интеллигентская толпа заласкала Леонида Андреева, сравнилъ его съ ребенкомъ въ обезьяньихъ лапахъ: была такая обезьяна, что украла изъ люльки ребенка и заласкала его до смерти.

Но знаменитый критикъ почему-то не замѣтилъ, что эта обезьяна не только ласкаетъ Андреева, а и учитъ его, воспитываетъ, внушаетъ ему правила поведенія. И что онъ, какъ никто, никогда въ нашей литературѣ, дрожитъ передъ этой обезьяною и всячески старается ей угодить, и во всемъ ея слушается, и всѣ свои трагедіи изготовляетъ для нея, и когда она хочетъ трагедію войны, даетъ ей трагедію войны, когда она хочетъ трагедію власти, даетъ ей трагедію власти—и полусознательно, полубезсознательно считаетъ ея обезьяньи капризы закономъ:

«Повѣсть о Сергѣѣ Петровичѣ» появилась вмѣстѣ съ русскими переводами Нитцше, а разсказъ «Мысль» появился тогда, когда русскіе журналы впервые заговорили о теоріи познанія.

Но стóитъ обезьянѣ хоть на мгновеніе выпустить Андреева изъ ласкающихъ лапъ, какъ онъ становится великимъ и могучимъ художникомъ и пишетъ безсмертныя страницы, незабываемыя слова и сво-

бодно, и просто проходитъ въ первые ряды русской литературы, куда никто изъ его современниковъ не смѣетъ и не умѣетъ пробраться. И Мережковскій расписывается въ полнѣйшей своей слѣпотѣ, когда на всемъ творчествѣ Андреева видитъ только слѣды обезьяньихъ лапъ и замѣчаетъ съ увѣренностью. «Конечно, Андреевъ совсѣмъ не художникъ».

Андреевъ великій художникъ, но, понятно, не злободневными своими трагедіями, которыя, задѣвая читательскія страсти, сдѣлали ему такую громкую славу, а тѣми своими вещами, которыя прошли совершенно незамѣченно, и тѣми своими идеями, которыхъ, можетъ-быть, онъ и самъ не замѣчаетъ въ себѣ.

Если бы Леонидъ Андреевъ только и дѣлалъ, что рисовалъ рожи въ заказанныхъ ему трагедіяхъ и не зналъ въ своемъ творчествѣ другихъ образовъ и видѣній, намъ бы пришлось признать въ немъ еще одного обезьяньяго генія, какихъ такое множество набралось у насъ отъ Кукольника и Бенедиктова до Надсона и Максима Горькаго, — и больше никогда не вспоминать о немъ.

Но есть обстоятельства, важныя и неожиданныя, никѣмъ не замѣчаемыя, скрываемыя Андреевымъ отъ обезьяньяго взора, и они совершенно мѣняютъ наши отношенія къ тому облику этого писателя, который мы только что пытались изобразить.

5.

Когда Андреевъ былъ еще безпечнымъ фельетонистомъ безпечной газеты «Курьеръ», онъ во всѣхъ своихъ очеркахъ и набросках, плохихъ и хорошихъ, инстинктивно, самъ того не замѣчая, подъ всей грудой случайныхъ темъ и случайныхъ положенiй, нащупывалъ одну особенную тему, одно особенное положенiе, которое и прослѣживалъ съ необъяснимой настойчивостью.

Эта одна особенная тема — перемѣна, перерожденiе, перевоплощенiе души человѣческой, отрѣшенiе человѣка отъ самого себя, отреченiе человѣка отъ душевной своей «рожи».

Въ разсказѣ «Защита» перерождается проститутка Танька-бѣлоручка, и одиночное заключенiе смываетъ съ нея «грязь позорнаго ремесла», (III, 16).

Въ разсказѣ «Другъ» перерождается писатель Владимиръ Михайловичъ, когда къ нему приходитъ слава (Ш, 11).

Въ разсказѣ «Праздникъ» перерождается гимназистъ Качеринъ — и «мiръ утрачиваетъ для него свою реальность» (Ш, 108).

Въ разсказѣ «Кусака» перерождается песъ кусака и «расцвѣтаетъ всею своею собачьей душой». (Ш, 131).

Въ разсказѣ «Иностранецъ» перерождается

студентъ Чистяковъ, и—по слову Андреева—«разбиваются оковы, въ которыхъ томилась его душа».

Такъ щедро и такъ широко перерождаетъ молодой писатель направо и налѣво всѣхъ своихъ персонажей.

Вотъ Гараська перестаетъ у него быть Гараськой, а Баргамотъ Баргамотомъ. («Баргамотъ и Гараська»). Вотъ старый и грязный воръ встрѣчаетъ на улицѣ щенка и на мгновеніе перерождается и перестаетъ быть воромъ («Предстояла кража»). Вотъ метаморфоза штабсъ-капитана Каблукова. («Изъ жизни ш.-к. Каблукова»). Вотъ забитый мальчишка Сениста перестаетъ быть забитымъ мальчишкой Сенистой и становится «выше всѣхъ и всѣхъ свободнѣе». («Гостинецъ».)

Какъ-то загадочно влекли къ себѣ такіе мотивы молодого писателя, и кажется, что у всѣхъ его раннихъ вещей въ сущности былъ одинъ только настоящій сюжетъ: перерожденіе души человѣческой; и что это перерожденіе было, въ сущности, единственнымъ событіемъ въ жизни его раннихъ героевъ.

Сначала это событіе было случайно, незначительно, и никуда не вело, но потомъ разрослось, и вотъ уже въ разсказѣ «Губернаторъ» читаемъ:

«Никто не замѣтилъ, когда это случилось, въ тотъ же день или немного раньше, или немного позже—съ губернаторомъ произошла странная и рѣшительная перемѣна, давшая новый образъ на мѣстѣ знакомаго и привычнаго человѣка»,—«и люди были изумлены странной и даже страшной новизной явившагося. Такъ, вѣроятно, звѣри, привыкшіе думать, что платье человѣка составляетъ самого человѣка, бываютъ поражены, увидѣвъ его голымъ». «Смер-

тельно одинокъ былъ онъ, сбросившій покровъ вѣжливости и привычки» (т. IV стр. 85).

«Словно шелуха какая-то спала съ него,— говоритъ Андреевъ въ другомъ разсказѣ, — онъ былъ словно голый». (II, 29, «Мысль»).

Какъ здѣсь углубился, какъ выросъ, какъ опредѣлился прежній Андреевскій мотивъ: перерожденіе души человѣческой!

Губернаторство составляло въ губернаторѣ главную его сущность; казалось, онъ весь сдѣланъ изъ какого-то губернаторскаго тѣста, и вотъ эта сущность оказывается только «платьемъ», «покровомъ», «шелухой», подъ которыми внутри былъ спрятанъ истинный «голый» человѣкъ.

Тоже самое случилось съ Андреевскимъ Іудой. «Іуда выпрямился и закрылъ глаза. То притворство, которое такъ легко носилъ онъ всю жизнь, вдругъ стало невыносимымъ бременемъ; и однимъ движеніемъ рѣсницъ онъ сбросилъ его. И когда снова взглянулъ на Анну, то былъ взоръ его простъ и прямъ, и страшенъ въ свой голой правдивости». («Іуда и др.» 33.)

Іуда пересталъ быть Іудой. Онъ, какъ и «Губернаторъ» сбросилъ съ себя самого себя. И, что интереснѣе всего, то же самое произошло и съ другимъ персонажемъ Андреева, съ отцомъ Васильемъ Ѳивейскимъ:

«Самую жизнь свою пересталъ онъ чувствовать—какъ будто порвалась извѣчная связь тѣла и духа, и, свободный отъ всего земного, свободный отъ самого себя, поднялся духъ на невѣдомыя и таинственныя высоты. Ужасъ сомнѣній и пытующей мысли, страстный гнѣвъ и смѣлые крики возмущенной

гордости человѣка—все было повергнуто въ прахъ, вмѣстѣ съ поверженнымъ тѣломъ: и одинъ духъ, разорвавшій тѣсныя оковы своего «я», жилъ таинственной жизнью созерцанія. (II т. 156 стр.)

То же самое случилось и съ Андреевскимъ террористомъ изъ повѣсти «Тьма».

«Какъ будто все, что онъ узналъ въ теченіе жизни, полюбилъ и передумалъ, разговоры съ товарищами, книги, опасная и завлекательная работа—безшумно сгорало, уничтожалось безслѣдно, но самъ онъ отъ этого не разрушался, а какъ то странно крѣпъ и твердѣлъ... Какъ линючая краска подъ горячей водой смывалась и блекла книжная мудрость, а на мѣсто ея вставало свое, собственное, дикое и темное, какъ голосъ самой черной земли». («Тьма» Альм. «Шиповн.» 51-52).

То, что крѣпче всего приросло къ человѣку, что дѣлало губернатора губернаторомъ, Іуду Іудой, террориста террористомъ и попа попомъ, то, что кривило ихъ души и дѣлало ихъ рожами, линяетъ, какъ дешевая краска, — и вотъ великая радостная надежда для Тюхи — рожи эти только нарисованныя, ихъ можно смыть, они приклеены къ голому, абсолютному, свободному человѣку, вотъ какъ бываютъ приклеены усы или кончики носовъ у актеровъ. Одинъ актеръ сыгралъ Іуду, другой Василья Ѳивейскаго: одинъ террориста, другой губернатора, а потомъ пошли въ какую-то загадочную уборную, и все это отстегнули, смыли, сняли, отклеили, и всѣмъ стало явно, что и «губернаторство» и «террористство», и все, что угодно, былъ одинъ только гриммъ, и что за этимъ гриммомъ спрятано настоящее голое лицо, подлинная субстанціональная личность.

Герои Андреева—гриммированные.

И что важнѣе всего, онъ гриммируетъ ихъ для того, чтобы потомъ торжественно разгриммировать.

Сегодня герой загриммированъ докторомъ Керженцевымъ и играетъ въ пьесѣ «Мысль»; завтра загриммированъ Васильемъ Ѳивейскимъ и играетъ въ пьесѣ «Вѣра»; послѣзавтра студентомъ Чистяковымъ и играетъ въ пьесѣ «Патріотизмъ»; потомъ Двадцатымъ въ пьесѣ «Власть»; потомъ героемъ «Краснаго Смѣха» въ пьесѣ «Война», (репертуаръ у него огромный!)—и корчитъ страшныя «рожи». и скрежещетъ зубами, и бьетъ въ барабанъ, и восклицаетъ: «ужасъ, ужасъ, ужасъ», а Леонидъ Андреевъ, всѣхъ этихъ ужасовъ и рожъ изготовитель, сидитъ въ обезьяньихъ лапахъ и отлично про себя понимаетъ, что все это «такъ нарочно», игра, лицедѣйство, театральное представленіе, и что всѣ эти Керженцевы и Ѳивейскіе, и Двадцатые, и Чистяковы—одно и тоже лицо, одинъ и тотъ же актеръ, по разному загриммированный—и ждетъ только той минуты, когда можно будетъ, тайкомъ отъ обезьяны, за ея спиной, улучивъ мгновеніе, снять и смыть съ него всю эту пугающую мишуру, и увидѣть лицедѣя, нагишемъ, въ настоящемъ и нестрашномъ видѣ, и обнять его. и приласкать его, и тайкомъ отъ обезьяны шептать ему тихія, братскія слова.

О! когда этотъ лицедѣй былъ загриммированъ докторомъ Керженцевымъ, какъ гулко перекатывался по залѣ его сиплый актерскій басъ:

— «Никого въ мірѣ не любилъ я, кромѣ себя, а въ себѣ я любилъ не это гнусное тѣло, которое любятъ и пошляки,—я любилъ свою человѣческую мысль, свою свободу. Я ничего не зналъ и не знаю

выше своей мысли, я боготворилъ ее — и развѣ она не стоила этого? Развѣ, какъ исполинъ, не боролась она со всѣмъ міромъ и его заблужденіями? На вершину высокой горы взнесла она меня»... «И развѣ я не былъ и великъ, и свободенъ, и счастливъ? Какъ средневѣковый баронъ, засѣвшій, словно въ орлиномъ гнѣздѣ, въ своемъ неприступномъ замкѣ, гордо и властно смотритъ на лежащія внизу долины— такъ непобѣдимъ и гордъ былъ я въ своемъ замкѣ, за этими черепными костями... И мнѣ измѣнили. Подло, коварно, какъ измѣняютъ женщины холопы—и мысли».

Когда же онъ загримируется героемъ «Краснаго Смѣха», о, мы узна́емъ его неизмѣнный голосъ и здѣсь:

— ...Война безраздѣльно владѣетъ мною и стоитъ, какъ непостижимая загадка, какъ страшный духъ, котораго я не могу облечь плотью. Я даю ей всевозможные образы: безглазаго скелета на конѣ, какой-то безформенной тѣни, родившейся въ тучахъ и безшумно обнявшей землю, но ни одинъ образъ не даетъ мнѣ отвѣта и не исчерпываетъ того холоднаго и постояннаго отупѣлаго ужаса, который владѣетъ мною...

О, если-бъ я былъ діаволъ! Весь ужасъ, которымъ дышитъ адъ, я переселилъ бы на ихъ землю; я сталъ бы владыкою ихъ сновъ, и, когда, съ улыбкой засыпая, они крестили бы своихъ дѣтей, — я всталъ бы передъ ними, черный... Да, я долженъ сойти съ ума, — но только бы скорѣе. Только бы скорѣе»...

И, какъ бы ни гримировался нашъ актеръ, мы узна́емъ его актерскій басъ и въ этихъ вѣща́ніяхъ «Жизни Человѣка».

— «Я проклинаю все, данное тобою. Проклинаю день, въ который я родился, проклинаю день, въ который я умру. Проклинаю всю жизнь мою, радости и горе. Проклинаю себя! Проклинаю мои глаза, мой слухъ, мой языкъ. Проклинаю мое сердце, мою голову, и все бросаю назадъ, въ твое жестокое лицо, безумная судьба. Будь проклята, будь проклята вовѣки!»

И ясно, что всѣ эти актерскія слова, и всѣ ужасы, и всѣ рожи, и весь гриммъ, и вся бутафорія,—все это для обезьяны, а самому Андрееву это не нужно и не интересно.

Для обезьяны онъ гриммируетъ, а для себя разгриммировываетъ. Для обезьяны «рожи» рисуетъ, а для себя ихъ стираетъ. Для обезьяны сочиняетъ трагедію за трагедіей, а самъ живетъ безо всякой трагедіи.

6.

Это самое примѣчательное. Андреевъ не знаетъ и не видитъ нигдѣ ни одного ужаса, ни одной безысходности. Ибо та абсолютная, вѣчно себѣ равная и себѣ довлѣющая субстанціональная человѣческая личность, которую онъ находитъ подо всѣми «рожами» бытія, когда разгриммируетъ своихъ губернаторовъ, и священниковъ, и террористовъ — это голое «я», которое и является единственнымъ истиннымъ героемъ Андреевскихъ твореній, чуждо и недоступно всякимъ трагедіямъ міра.

Когда «голое» *я* было загриммировано докторомъ Керженцевымъ или Сергѣемъ Петровичемъ или Васильемъ Ѳивейскимъ, — оно металось и билось въ тискахъ той или иной трагедіи, смотря по желанію автора, но чуть только, какъ «покровъ», какъ «узы» какъ «оковы», какъ «линючая краска», какъ «шелуха», спадетъ съ него его эмпирическое обличье,— оно находится *уже за предѣлами досягаемости всякаго ужаса и всякаго страданія* и можетъ кричать имъ побѣдоносно:

— Не запугаете!

Вотъ жили въ подвалѣ погибшіе люди: воръ и убійца Абрамъ Петровичъ, и умирающій нищій Хижняковъ, и гулящая дѣвка Дуняша, — и эмпири-

ческое ихъ бытіе было трагично и безвыходно. Но случилось событіе. Въ подвалъ пришла дѣвушка Наталья Владимировна и принесла съ собою новорожденнаго ребенка—и самымъ своимъ появленіемъ этотъ ребенокъ совершилъ чудо обнаженія, оголенія ихъ субстанціональныхъ личностей.

Разгриммировалъ ихъ.

Стеръ съ нихъ ихъ дьявольскія рожи.—

И тотчасъ же—куда дѣвались всѣ трагедіи, которыя за минуту до этого раздирали ихъ:

— «Такъ,—говоритъ Андреевъ,—вытянувъ шеи, безсознательно озаряясь улыбкой страннаго счастья, стояли они, воръ, проститутка и одинокій, погибшій человѣкъ, и эта маленькая жизнь, слабая, какъ огонекъ въ степи, смутно звала ихъ куда-то и что-то обѣщала, красивое свѣтлое, безсмертное» (I, 161 «Въ подвалѣ»).

Это самое знаменательное, и мы должны понять это до конца, иначе мы ничего не поймемъ въ Андреевѣ.

Чуть только стерлись у людей ихъ «рожи», чуть только актеры Андреевскихъ буффонадъ сбросили съ себя свои бутафорскія одежды и слились въ «единое существо, съ единымъ сердцемъ и единой душой», — сейчасъ же они оказались за какой-то волшебной чертою, куда не пробраться страшнымъ рыкающимъ дикимъ звѣрямъ—трагедіямъ, и вотъ ихъ уже окружили, какъ нѣкіе серафимы,—и «красота», и «свѣтъ», и «счастіе», и «безсмертіе».

Покуда Василій Ѳивейскій игралъ буффонаду, его раздирала трагедія вѣры, и рвала его на клочки, но все это было обезьянье, а стоило только Андрееву смыть съ него гриммъ или, какъ выражается самъ

Андреевъ—«разорвать тѣсныя оковы его *я*»—и все поверглось во прахъ: «и ужасы сомнѣній и пытующей мысли, страстный гнѣвъ и смѣлые крики возмущенной гордости человѣка»,—и вмѣстѣ съ «рожей» смылась и «трагедія».

Трагедія была такъ же нарисована, какъ и рожа, и ее такъ же можно было смыть. Она такой же гриммъ. Не она является самымъ главнымъ, самымъ существеннымъ въ душѣ человѣческой, и Андреевъ неустанно отклеиваетъ, отстегиваетъ, снимаетъ, смываетъ, стираетъ ее и неизмѣнно показываетъ, какъ истинная жизнь, та, которая только мгновеніями дается человѣку, вырвавшемуся изъ «оковъ», изъ «шелухи» изъ «одежды» своего *я*,—какъ эта истинная жизнь «г о л а г о» человѣка прекрасна, легка, безсмертна и свободна.

Когда губернаторъ пересталъ быть губернаторомъ, и террористъ—террористомъ, и попъ—попомъ; когда люди отреклись отъ самихъ себя, и все, что считалось ихъ лицами, ихъ душами, ихъ жизнью, оказалось гриммомъ, и «линючей краской»;—тогда всѣ они у Андреева стали счастливы, блаженны, безмятежны, и тѣ тревоги, бури, вихри, смерчи, которые металъ надъ ними Андреевъ, тоже оказались бутафорскими, и для «голаго» человѣка нестрашными и несуществующими.

Исчезаютъ всѣ преграды и бездны, всѣ времена и пространства, вся трагическая безысходность бытія, и все это буйство «вещей и обличій»,—едва только Тюха-Андреевъ выйметъ изъ кармана свою магическую губку и сотретъ тѣ «рожи, рожи и рожи», которыя онъ самъ же только что нарисовалъ.

И все превосходно.

Превосходно, что у Тюхи-Андреева есть въ кармане такая губка. Превосходно, что она такъ хорошо стираетъ. Что съ нею не страшенъ міръ. Что вмѣстѣ съ «рожей» можно стереть и безысходность.

И пусть приходитъ къ Андрееву любая буря, любой ужасъ, любая трагедія, онъ только улыбнется побѣдно, и въ любую минуту потретъ ихъ губкою, и отъ нихъ ничего не останется.

Когда-то онъ сочинилъ трагедію посредственнаго человѣка. Былъ посредственный человѣкъ, и посредственность посредственнаго человѣка такъ истомила, что онъ покончилъ съ собою.

Но это только другимъ кажется, что посредственный человѣкъ—посредственный человѣкъ, а Леонидъ Андреевъ въ минуту сотретъ съ него всю его посредственность, и вотъ:

«Жалкій, тупой и несчастный человѣкъ, въ эту минуту онъ поднимается выше геніевъ, королей и горъ, выше всего, что существуетъ высокаго на землѣ, потому что въ немъ побѣждаетъ самое чистое и прекрасное въ мірѣ, — смѣлое и свободное и безсмертное человѣческое *я!* Его не могутъ побѣдить темныя силы природы, оно господствуетъ надъ жизнью и смертью — смѣлое, свободное и безсмертное *я!*» (т. I, 112).

Вотъ и нѣтъ посредственности, а вмѣстѣ съ нею нѣтъ и ея ужаса. Не жалѣйте ея. Она счастлива. Вы жалѣли ее за ничтожество,— но вотъ она выше геніевъ. Вы жалѣли ее за порабощенность,—но вотъ она смѣла и свободна. Вы жалѣли ее за гибель, — но вотъ она безсмертна.

И все превосходно. Счастливъ человѣкъ «оголенный», — вмѣстѣ съ платьемъ онъ отбрасываетъ и

свои страданія, — и счастливъ пѣвецъ «оголеннаго» человѣка,—ибо онъ поэтъ самаго счастливаго.

Андреевъ самый веселый, счастливый и оптимистическій изъ русскихъ писателей Онъ только и дѣлалъ, что слѣдилъ, какъ стираются съ человѣка всѣ язвы его души, какъ заживаютъ всѣ раны его эмпирической личности, онъ вѣчно присутствовалъ при самомъ свѣтломъ и радостномъ въ жизни души человѣческой.

Для публики, для другихъ, на показъ, для той обезьяны, которая ласкаетъ и заласкиваетъ его, — онъ былъ пессимистомъ, отрицателемъ, анархистомъ, трагическимъ поэтомъ, пророкомъ страданія и разрушенія.

Но для себя самого, наединѣ, интимно и неоффиціально, онъ, послѣ самыхъ громоздкихъ трагедій и самыхъ бунтовщическихъ пророчествъ, позволялъ себѣ маленькое домашнее развлеченіе: прятался въ уголокъ и тамъ, послѣ небольшихъ стараній съ Іуды стиралъ Іуду, съ Ѳивейскаго стиралъ Ѳивейскаго, съ Сергѣя Петровича стиралъ Сергѣя Петровича, съ террориста— террориста, съ губернатора— губернатора, и съ ними стиралъ и ихъ трагедіи и, прищурившись, наблюдалъ, какіе они всѣ послѣ этого были веселые, блаженные, чистые и прекрасные.

И это его подпольное безобидное развлеченіе, которому онъ предавался исключительно для своего удовольствія, дѣлало всегда лишнимъ и ненужнымъ то, что онъ совершалъ оффиціально, въ угоду обезьянѣ-толпѣ; и не только лишнимъ и ненужнымъ, но и невозможнымъ.

Ибо и пессимизмъ, и трагичность, и ужасъ, и страданіе, и состраданіе излишне, неинтересно и не-

возможно, если оно относится къ чему-то наносному, наслоенному, второстепенному и не касается главнаго, и если это наслоенное можно каждую минуту отбросить и подъ спудомъ найти нѣчто «смѣлое», «свободное», «безсмертное», «чистое» и «прекрасное», недоступное и неподвластное ни «Красному Смѣху», ни «проклятію звѣря», ни «безднѣ», ни «туману», ни «стѣнѣ».

Весело и уютно Андрееву жить со своимъ голымъ человѣкомъ, который такъ волшебно застрахованъ ото всего, что для публики онъ сыплетъ на человѣка конкретнаго, прикрытаго какой-нибудь рожей.

Бѣдный Андреевскій Савва тоже мечталъ о такомъ голомъ человѣкѣ, но до чего неумѣло и неуклюже:

— Нужно, чтобы теперешній человѣкъ голый остался на голой землѣ... Голый человѣкъ, голый какъ мать родила. Ни штановъ на немъ, ни орденовъ, ни кармановъ у него—ничего.

Бѣдный, и жалкій, и глупый Савва!

Онъ думалъ достичь этого огнемъ, и пожаромъ и натворилъ много бѣдъ, и ничего не достигъ, и погибъ поносною смертью. Онъ не зналъ, что его создатель и творецъ, Леонидъ Андреевъ, знаетъ другой способъ, менѣе опасный и болѣе вѣрный. Онъ только мечталъ о голомъ человѣкѣ въ отдаленномъ, туманномъ грядущемъ, а Леонидъ Андреевъ захочетъ—можетъ имѣть его сегодня, захочетъ—завтра, и столько въ этомъ для него пріятности и удовольствія.

Бѣдный Савва! Счастливый Андреевъ!

7.

Счастливый Андреевъ!

Предъ Гоголемъ тоже метались и плясали рожи, и кровью великаго сердца онъ изошелъ, чтобы гдѣ-нибудь, подъ какой-нибудь рожей отыскать человѣческій ликъ, — и не нашелъ, и погибъ, и принялъ безумныя муки. Счастливый Андреевъ! Достоевскаго томили трагедіи, и не умѣлъ онъ стереть ихъ съ человѣка, и считалъ ихъ душою души человѣческой, и былъ суровъ, и жестокъ, и неумолимъ. Счастливый Андреевъ!

Съ веселой и лихою ремесленностью изготовляетъ онъ трагедію за трагедіей, рожу за рожей, и пугаетъ ими другихъ, а самъ не боится, а самъ радостенъ и безпечаленъ, ибо знаетъ секретъ, ибо видитъ, что все это мара, марево, навожденіе, туманъ, а подъ нимъ весело, и уютно, и празднично «смѣлому», «свободному», «прекрасному», «безсмертному» субстанціональному *я* человѣческому.

Такимъ образомъ это *я* и есть единственный настоящій герой твореній Андреева.

Какой дивный, идеальный герой! И только его знаетъ Андреевъ, только его онъ поетъ—счастливый и прекрасный пѣвецъ самаго счастливаго и прекраснаго героя, какого только знала міровая литература, — голаго, абсолютнаго, отвлеченнаго человѣка.

И если посмотрѣть, если оглянуться на все прошлое Андреевское творчество,—и прогнать отъ него нелѣпую обезьяну, вдругъ поймешь и явно увидишь, что этотъ символистическій Боборыкинъ и трагическихъ дѣлъ мастеръ, такой размашистый и широкій, стыдливо и застѣнчиво былъ вѣренъ всегда своему единственному герою, и влюбленно искалъ его всюду, и мечтами о немъ очищался отъ грязныхъ обезьяньихъ касаній, и взывалъ къ нему, и тосковалъ безъ него,—а онъ порою не отзывался, не приходилъ, укрывался, и то, что онъ укрывался, было для Андреева единственнымъ истинно ужаснымъ ужасомъ единственной истинно трагической трагедіей.

«Рожа» не всегда смывается; человѣкъ не всегда можетъ отрѣшиться отъ себя самого,—сбросить «шелуху», «одежду», «покровъ» своей эмпирической личности; и, какъ ни срывать, ни сцарапывать, ни соскребывать съ себя свое уродливое, смертное, подвластное трагедіямъ «*я*», — оно иногда прилипаетъ навѣки, и—вотъ гдѣ ужасъ когда сифилитикъ Павелъ Рыбаковъ недоумѣнно и тоскливо спрашиваетъ:

— Неужели это я, и эти руки—мои?

Тогда Іуда Искаріотъ кричитъ и хохочетъ и съ ужасомъ видитъ, что его собственный ротъ обманутъ имъ самимъ и обманулъ его самого, — и всѣ они, и Іуда предатель, и губернаторъ-убійца Петръ Ильичъ, и вотъ Юрасовъ (изъ разсказа «Воръ») и сифилитикъ Павелъ Рыбаковъ (изъ разсказа «Въ туманѣ»)—ждутъ тогда, что ихъ «рожи» сотрутся, и мечутся въ оковахъ эмпирическаго бытія, и прозрѣваютъ какое-то освобожденіе, и вѣрятъ, что выступитъ наконецъ то вѣчное, и прекрасное, и без-

смертное *я*, которое такъ побѣдоносно и весело выступаетъ во всѣхъ другихъ Андреевскихъ вещахъ, и молятся о немъ, и зовутъ его, и твердятъ безсвязныя слова,— а оно не приходитъ, а «рожа» не стирается,— и они гибнутъ въ самомъ преддверіи взыскуемой правды, взыскуемаго и несомнѣннаго счастія, и здѣсь, въ этой гибели, въ этой страшной невозможности стереть съ человѣка его рожу, которая, кажется, чуть-чуть держится на немъ и каждую минуту готова стереться, единственный паѳосъ, единственный лиризмъ Леонида Андреева.

Конкретное *я* сифилитика Павла Рыбакова нестерпимо отвратительно ему самому, и вся его душевная тревога въ отреченіи, отталкиваніи, отпрядываніи отъ самого себя, въ мучительномъ отыскиваніи своего субстанціональнаго *я*. И какъ молитву, какъ призывъ, какъ гимнъ кому-то твердитъ онъ когда-то услышанные имъ смѣшныя и трогательныя слова:

— «Отчего вы такъ грустны, Катерина Эдуардовна?»

Но страшная рожа его души не уходитъ, не смывается, какъ линючая краска — и онъ погибаетъ.

Такъ же романтически рвется къ своей субстанціональной душѣ воръ Ѳедоръ Юрасовъ, и призывы его тоже слагаются въ смѣшныя и трогательныя слова;

«Прійди ко мнѣ! Отчего ты не приходишь? Солнце зашло и темнѣютъ поля. Отчего ты не приходишь? Солнце зашло и темнѣютъ поля. Такъ одиноко и такъ больно одинокому сердцу. Такъ одиноко. Такъ больно, Прійди. Солнце зашло. Темнѣютъ поля. Прійди же, прійди»!

И не сумѣвши стереть съ себя свою душу-рожу, воръ Өедоръ Юрасовъ гибнетъ.

Губернаторъ-убійца тоже хочетъ стереть съ себя свое уродливое *я*, и не можетъ, и тоже молится наивными словами о томъ правдивомъ, безсмертномъ и вѣчномъ, что прозрѣваетъ въ себѣ, и что одно можетъ спасти его отъ ужасной «рожи».

— «Пожалѣйте меня. Прійдите же ко мнѣ кто-нибудь, прійдите. Пожалѣйте же меня. О-о-о!»

Но «рожа» его не смывается, и онъ тоже гибнетъ.

Несмываемыя рожи! Здѣсь истинный ужасъ Андреева.—и что такое «Большой шлемъ», «Призраки», «Бенъ-Товитъ», «Оригинальный человѣкъ», какъ не разгулъ, не оргія, не свистопляска, этихъ проклятыхъ, заколдованныхъ навѣки «несмываемыхъ рожъ». И если бы Андреевъ не писалъ ничего, кромѣ «Губернатора», «Вора», «Іуды» и этихъ четырехъ вещей, онъ и тогда имѣлъ бы право называться величайшимъ и оригинальнѣйшимъ русскимъ писателемъ. Всѣ фельетонныя трагедіи, которыми онъ теперь потрясаетъ некультурнаго русскаго читателя, пройдутъ, какъ дымъ, и забудутся, но вмѣстѣ съ Гоголевскими, Толстовскими и Чеховскими созданіями будутъ вѣчно жить и вѣчно цвѣсти новымъ цвѣтомъ эти великія, тревожныя, дерзкія и безконечно клевещущія на міръ его созданія.

И радостно съ ними, и уютно, ибо подъ самой фантастической и безнадежной «рожей», чуетъ Андреевъ нѣчто спокойное и нестрашное, и близкое и веселое, а если подъ иной личиной онъ и не сумѣетъ отыскать субстанціональное *я*, онъ каждую минуту слышитъ ровный и тихій голосъ:

— Не бойся! Я здѣсь. Что тебѣ за дѣло до всего остальнаго!

И слыша этотъ успокоительный голосъ, и вѣря ему, и живя его обѣщаніями, Леонидъ Андреевъ всегда былъ самый добрый, самый радостный, самый оптимистическій русскій писатель, и тѣ, кто звали его мрачнымъ и безнадежнымъ отрицателемъ жизни, поэтомъ отчаянія и ужаса, судили о немъ по его обезьянѣ, и знать не хотѣли его самого, и не видали его потаенно жизнерадостной души. Забывали, что онъ не рисуетъ «рожи», а стираетъ ихъ. Не привлекаетъ къ человѣку трагедій, а разсѣиваетъ ихъ Что его отрицаніе міра легко и пріятно и ведетъ къ вящшей радости и торжеству. Онъ отрицаетъ одинъ міръ, чтобы тотчасъ же обрѣсти другой. Онъ поэтъ этого другого міра, поэтъ тихій, элегическій, ласковый и спокойный и здѣсь его сила, и здѣсь его величіе, и здѣсь онъ будетъ вѣчно жить въ нашей поэзіи.

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ

И

ЕГО ЧИТАТЕЛЬ.

Леонидъ Андреевъ и его читатель.

1.

Леонидъ Андреевъ началъ писать въ 1898 г., но русскій читатель узналъ его только четыре года спустя. Въ концѣ 1901 г. впервые заговорила о немъ критика *). и почти каждая критическая статья содержала указанія на то. что Андреевъ совершенно неизвѣстенъ:

— «Гдѣ раньше печатался г. Андреевъ, мы не знаемъ, — писалъ покойный А. Б. (Анг. Богдановичъ).—но небольшая книжка его «Разсказовъ» отмѣчена такимъ своеобразнымъ дарованіемъ, что становится жаль. если эти произведенія пропадали гдѣ-то въ неизвѣстности». («Міръ Божій» 1901, XI).

То же говорилъ и Н. К. Михайловскій:

— «Я пишу подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ только-что прочитаннаго небольшого сборника «Разсказовъ»

---

*) При появленіи его первой книжки, которая вышла очень тоненькой брошюрой, гдѣ сначала отсутствовали такія вещи, какъ „Бездна", „Въ подвалѣ", „Смѣхъ", „Стѣна". Это изданіе, цѣною въ 80 к., было отпечатано въ количествѣ 4000 экз. и разошлось въ теченіи трехъ мѣсяцевъ. Интересно указать, что „Царь-Голодъ" въ одинъ день разошелся въ колич. 18000 экз.

г. Леонида Андреева, писателя до тѣхъ поръ мнѣ совершенно неизвѣстнаго, и во всякомъ случаѣ «начинающаго». («Рус. Бог.» 1901. XI.).

Тѣми же словами начиналъ свою статью объ Андреевѣ и I. I. Ясинскій (Максимъ Бѣлинскій):

— «Не знаемъ. взошла ли для другихъ звѣзда этого чрезвычайно талантливаго писателя. Она взошла пока для насъ. До знакомства съ его книгой мы даже не подозрѣвали его существованія («Ежемѣсячныя Сочин.» 1901, XII «Невысказанное»).

Такія признанія кажутся теперь нѣсколько странными, потому что, какъ видно изъ прилагаемой ниже хронологической таблицы, многія произведенія Леонида Андреева уже до той поры печатались въ такихъ распространенныхъ изданіяхъ, какъ журналъ «Жизнь» и «Журналъ для Всѣхъ».

До выхода въ свѣтъ перваго изданія первой книжки «Разсказовъ» Л. Андреева одинъ только критикъ, А. А. Измайловъ замѣтилъ его и очень сочувственно отозвался въ «Бирж. Вѣд.» о его отдѣльномъ разсказѣ «Жили-были», напечатанномъ въ «Жизни». (См. Бирж. Вѣдомости 9 апрѣля 1901 г.).

Такимъ образомъ, 9-е апрѣля 1901 года можно считать первымъ днемъ, когда началась необъятная, многотомная литература о Леонидѣ Андреевѣ.

2.

Казалось, робкіе русскіе критики только и ждали отъ Михайловскаго сигнала, чтобы заговорить о Леонидѣ Андреевѣ. Сами они ни за что не рѣшились бы привѣтствовать новый талантъ.

Послѣ статьи Михайловскаго тотчасъ же написалъ объ Андреевѣ въ „Новостяхъ“ А. М. Скабичевскій („Новый талантъ“); въ „Нов. Вр.“ В. Буренинъ („Разговоръ съ разочарованнымъ“); въ „Литературн. Вѣстникѣ“ В. Боцяновскій (всѣ трое въ январѣ 1902 г.), въ „Русской Мысли“ М. А. Протопоповъ (1902, III); въ «Одесскомъ Листкѣ“ Л. Е. Оболенскій (апрѣль, 1902), и т. д., причемъ наиболѣе самостоятельнымъ былъ, конечно, г. Буренинъ, предсказавшій, что начинающій беллетристъ затмитъ впослѣдствіи Максима Горькаго.

Остальные же были совершенно безпомощны, и, пока не выработался готовый шаблонъ для сужденія о Леонидѣ Андреевѣ, высказывали дикія, фантастическія сужденія.

Протопоповъ въ статьѣ „Молодые всходы“ поставилъ Андреева рядомъ съ Алексѣемъ Мошинымъ и г. Гославскимъ и отдалъ предпочтеніе послѣднимъ.

Фельетонистъ „Самарской Газеты“ (февраль 1902) поставилъ Андреева рядомъ съ Н. Тимковскимъ, при чемъ великодушно замѣтилъ, что у Тимковскаго „менѣе своеобразенъ писательскій темпераментъ“.

Покойный Л. Е. Оболенскій поставилъ рядомъ съ Андреевымъ нѣкоего Я. Круковского, и высказалъ (въ „Од. Л.“) мысль, что въ смыслѣ настроенія г. Круковской, пожалуй, симпатичнѣе г. Андреева“.

А. М. Скабичевскій сопоставилъ Андреева съ нѣкіимъ А. Б. Измайловымъ и, дѣлая въ „Новостяхъ“ новогодній обзоръ художественной литературы, между прочимъ написалъ:

„Въ заключеніе нашего обзора беллетристики

прошлаго года, нельзя не упомянуть и о двухъ возникающихъ талантахъ, — г. г. Леонидѣ Андреевѣ и А. Б. Измайловѣ. Дарованія этихъ двухъ начинающихъ писателей были замѣчены и нашей печатью („Новости“ 1 января 1902).

Критики же „Пріазовскаго Края“ г. г. Я Абрамовъ и Гранитовъ единогласно сопоставили Л. Андреева съ Достоевскимъ. („Пріазовскій Край“ 1902 г. январь и сентябрь).

Со своей стороны фельетонистъ „Курьера“ г. В. Шулятиковъ сопоставилъ Леонида Андреева съ Эдгаромъ По („Курьеръ“ 8 октября 1901 г.), и это сравненіе породило, особенно въ провинціи, десятка два подражаній, начиная г. Антидомъ Ото въ „Восточномъ Обозрѣніи“ (іюнь 1902) съ г. В. Львовымъ въ „Одесскихъ Новостяхъ“ (1903 г.), при чемъ, конечно, Эдгара По никто изъ этихъ критиковъ не зналъ, а судилъ о немъ по плохимъ переводамъ Бальмонта.

Впослѣдствіи г. Львовъ напечаталъ въ „Образованіи“ (1904. XI) обширную статью „Мертвое Царство“, гдѣ заявилъ, что Андреевъ „духовный сынъ“ Эдгара По и собратъ д'Аннунціо, и Роденбаха, и Метерлинка, и Пшибышевскаго, и Гофмана и всѣхъ другихъ писателей, которые хоть по наслышкѣ извѣстны г-ну Львову.

Итакъ:

Леонидъ Андреевъ и Гославскій.

Леонидъ Андреевъ и Эдгаръ По.

Леонидъ Андреевъ и Алексѣй Мошинъ.

Леонидъ Андреевъ и д'Аннунціо.

Леонидъ Андреевъ и Я. Круковской.

Леонидъ Андреевъ и Пшибышевскій.

Леонидъ Андреевъ и А. Б. Измайловъ.
Леонидъ Андреевъ и Метерлинкъ.
Леонидъ Андреевъ и Н. Тимковскій.
Леонидъ Андреевъ и Достоевскій.

Вотъ позорнѣйшая таблица сужденій россійской критики, миніатюра всего нашего общественнаго мнѣнія! Какая фантастическая шаткость, произвольность, необоснованность у этого общественнаго мнѣнія! Какое бездонное хулиганство въ этомъ перезвонѣ всевозможныхъ, первыхъ попавшихся именъ, въ этой сутолокѣ случайныхъ мыслей и восклицаній.

Страшная раздробленность, уединенность мыслей: каждый выдумываетъ за свой страхъ свою собственную нелѣпицу, и нелѣпица эта живетъ два дня, и умираетъ, ничего не создавъ, не войдя въ общее сознаніе, оставивъ послѣ себя такое же пустое мѣсто, какое было и раньше. Нѣтъ преемственности мнѣній. каждый начинаетъ сначала и если бы завтра, послѣ всѣхъ сотенъ и сотенъ статей, рефератовъ, рецензій, фельетоновъ, книгъ и брошюръ о Леонидѣ Андреевѣ, явился кто-нибудь и заявилъ, что Андреевъ выше Софокла или ниже Петра Потемкина, ему повѣрили бы и съ нимъ согласились бы. ибо душа русскаго читателя это какая-то заколдованная, вѣчная tabula rasa, на которой что ни пиши, все равно ничего не останется.

Нѣтъ культуры, нѣтъ среды, нѣтъ общественнаго сознанія,—и карьера Леонида Андреева есть только мелкій и далеко не самый выразительный примѣръ.

Въ Россіи лучше быть фальшивомонетчикомъ, чѣмъ знаменитымъ русскимъ писателемъ.

Я взялъ на себя интересный трудъ и прочиталъ

по старымъ журналамъ и газетамъ всѣ статьи и замѣтки, которыя были посвящены Леониду Андрееву съ 1901 г. по настоящее время. Это нѣчто до такой степени оскорбительное и унижающее, что слава Ольги Штейнъ, клоуна Дурова и Пуришкевича кажется завидной и радостной, въ сравненіи съ этой славой великаго русскаго художника.

Правъ былъ Мережковскій, когда называлъ ее ласкою обезьяньихъ лапъ.

Самые ярые хвалители Андреева почти всегда относились къ нему подозрительно, какъ къ явленію ненадежному, непрочному и отчасти фальшивому и въ лучшемъ случаѣ развязно хлопали его по плечу:

— „Въ Леонидѣ Андреевѣ... есть что-то такое". Какъ великъ его будущій блескъ, какое мѣсто займетъ онъ среди литературныхъ свѣтилъ, да и свѣтило ли онъ—это вопросы, на которые никто не отвѣтилъ... Быстрыя очарованія смѣняются столь же быстрыми разочарованіями, и кто знаетъ, — какимъ богамъ поклонимся мы, потерявшіе связь съ великой религіей предковъ?

Съ нѣкоторыхъ поръ русская читающая публика находится въ періодѣ тоскливаго ожиданія нареченнаго жениха.

Прежняго суженаго дѣвица разлюбила-позабыла, а настоящій еще не являлся. Былъ Глѣбъ Успенскій—и забытъ Глѣбъ Успенскій. Дай-ка съ тоски поухаживаю за Леонидомъ Андреевымъ. Писатель молодой, въ немъ есть что-то особенное, а любить дѣвицѣ такъ хочется". К. Сарахановъ „Сарат. Лист." апрѣль).

Это типичный образчикъ россійской похвалы. Такъ же безпардонно хлопалъ Андреева по плечу и

г. Скабичевскій, восклицавшій (въ статьѣ „Новый талантъ“):

— „Ахъ, г. Андреевъ! Очень, повидимому вы молоды, если роковое слово смерти, это грозное никогда такъ для васъ огорчительно... Стоило огородъ городить и капусту садить, чтобы подѣлиться съ читателями подобными трюизмами“. („Новости“ 1902).

Такъ же панибратствовалъ съ нимъ и другой его „благожелатель“, М. А. Протопоповъ, совѣтуя ему:

— „Декадентскій успѣхъ, успѣхъ, купленный цѣною самоуниженія, эксцентрическими прыжками кувырканіями и хожденіемъ на рукахъ—успѣхъ не только постыдный, но и мимолетный“ („Рус. М.“, 1902, мартъ).

Такъ хвалила и поощряла молодое дарованіе русская критика. Когда же она познакомилась съ „Бездной“, не вошедшей въ первое изданіе „Разсказовъ“, и прочитала въ „Въ Туманѣ“, то на Андреева посыпался такой потокъ нелестныхъ эпитетовъ, сравненій и восклицаній, которыхъ и въ сотой долѣ вполнѣ хватило-бы на хорошаго конокрада или по крайней мѣрѣ членовредителя, и которыя сыплются на Леонида Андреева и до сего дня.

Небезполезно было бы привести полный словарь этихъ этитетовъ, что бы конкретно обнаружить и показать, чего стоитъ Андрееву обезьянья ласка русскаго общественнаго мнѣнія. Но я къ сожалѣнію, принужденъ дать этотъ словарь въ сильно сокращенномъ видѣ, надѣясь, что г.г. Буренинъ, Розановъ, Мережковскій и Зин. Гиппіусъ значительно пополнятъ его своими собственными усиліями.

А.

Абракадабра.—«Голосъ Правды» 907. VI.

Б.

Балаганъ отвратительный—Д. В. Философовъ. «Рѣчь» 908. IV.
Барабанная трескотня — Измайловъ. «Р. Слово». 906, X.
Бахвалъ— А. Басаргинъ «Московск. Вѣд.».
Бедламовщина—«Голосъ Правды». 07. VI.
Безграмотность — Л. Т—цкій «Сѣверъ» (Вологда) 907, VI.
Бездарность—«Рус. Знамя» 907, VI.
Бездарность—«Развлеченіе» 903, № 17.
Бездарная и неумная вещь — З. Гиппіусъ «Вѣсы» 907, V.
Безпримѣрная ерунда—А. Е. „Харьк. Вѣд.“ 902.
Белиберда—Буренинъ „Нов. Вр.“ 902. IX.
Безчеститъ языкъ, какъ женщину — Мережковскій «Рус. М.» 908, I.
Безобразіе—А. Е. „Харьковск. Вѣд.“ 902.
Богомерзкая книжка—„Рус. Зн.“ 907. VII.
Босякъ—Вѣче 907, № 63.
Бѣшенство притязательнаго безмыслія, — Буренинъ „Нов. Вр.“ 902, IX.

В.

Вранье,—В. Розановъ, „Нов. Вр.“, 907, VII.
Выкрученная и наглая чепуха, — Буренинъ. „Нов. Вр.“ 902, IX.
Вызываетъ тошноту — А. Ефимовъ, „Живописное Обозр.“ 902, X.

Г.

Гадкое дѣло. А. Ефимовъ, „Живописное Обозр.“ 902, X.
Гадость,—„Волынь“, 902, V, № 99.
Галиматья истерическая,—М. А. Протопоповъ. „Рус. Мысль“ 1902, III.
Галиматья,—
Гнусность,—
Гнусная ложь,—
Грязная лужа полового извращенія } — Буренинъ „Нов. Вр.“ 902, IX.
Грубость—З. Гиппіусъ. Вѣсы 1907, V.
Глупое и отвратительное произведеніе—В. Розановъ „Нов. Вр.“ 1907.
Грубый, лживый и пошлый пасквиль. — „Рус. Зн.“ 907, VI.
Графоманъ.—Семенъ Высокій. Крымское Слово 907, статья «Мракъ и Дыра».
Грязно-жестокія писанія, — Ант. Г—кенъ, „Слово“ 1903, II.
Глупый дуракъ, — Буренинъ „Нов. Вр.“ 907, IX.

Д.

Дегенерація творческая, — Л. Т—цкій, „Сѣверъ“ (Вологда) 907, VII.
Дурманъ, — „Россія, 907, VII.
Дуракъ, — Буренинъ, 907, IX.
Дуракъ, — „Развлеченіе“, 903, № 17.

Ж.

Жалкій отщепенецъ — „Рус. Зн.“ 907, VII, № 168.
Жертвочка въ обезьяныхъ лапахъ — Мережковскій „Рус. Мысль“ 908, I.

З.

Загаживаетъ человѣческую душу, — Ант. Г—кенъ „Слово“ 903, 13 февр.

И.

Идіотство }
Идіотъ } — Буренинъ „Нов. Вр.“ 902, IX.
Идіотскія глупости,—Буренинъ „Нов. Вр.“ 907, IX.
Изувѣръ—„Рус. Зн.“ 907, VII № 168.

К.

Карьеристъ—Буренинъ, „Нов. Вр.“ 902 X.
Крикливо-плоскія фразы — З. Гиппіусъ, „Вѣсы“ 907, V.
Кощунство—Мережковскій, „Рус. Мысль“.
Кощунство—„Рус. Зн.“ 907, VII.

Л.

Ложь безсознательная.—Луначарскій сборникъ „Литературный Распадъ“ 908,
Ложь — „Волынь“, 1902, V. № 99.

М.

Малообразованный и претенціозный писатель. — З. Гиппіусъ, „Вѣсы“ 907, V.
Мерзкій человѣкъ,—„Вѣче“, 907, № 63,
„Микстура“, — А. Е. „Харьковскія Вѣдом“, 1902 статья „Литературный Янусъ“.

Н.

Навозъ,— Буренинъ, „Нов. Вр“. 902, X.
Неумный и необразованный человѣкъ, — Аврелій, „Вѣсы“ 908, I.
Недоумокъ, — „Рус. Знамя“ 907, VII.
Невѣроятная и постыдная фальшь.—Ант. Крайній, „Вѣсы“ 907, V.
Невыносимая фальшь,— Д. В. Философовъ, „Рѣчь“, 908. IV.
Наборъ наигнуснѣйшихъ словъ. — А. Ефимовъ, „Живописное Обозр.“, 902 X.

Невмѣняемая наглость, — В. Буренинъ „Нов. Вр.“ 902, X.

О.

Оскорбительно своею пошлостью, — Ю. А. „Рус. Мысль“, 908, III.
Осатанѣлость, — „Рус. Зн.“ 907, VI, № 168.

П.

Пропойца, — „Вѣче“, 907, № 63.
Прохвостъ,— „Р. Зн.“ 907, № 168.
Пустая голова, — Буренинъ, „Нов. Вр.“, 907, IX.
Порнографъ, — „Петерб. Газета“ 903, 14 февр.
Помутившійся разумъ, — А. Ефимовъ, „Живописн. Обозр.“, 1902, X.
Плоскость общедоступная,—Мережковскій, „Рус. М.“ 1908, I.
Пошлость,—„Петерб. Газета“ 903, 14 февр.
Потокъ патологической и порнографической беллетристики,—Ант. Г-кенъ, „Слово“ 903, 13 февр.
Почти клеветническое изображеніе, — Луначарскій. «Литер. Расп», 1908.
Припадокъ психопатической болѣзни,—Скабичевскій «Новости», 902, X.
Пустой наборъ словъ, — Л. Т—цкій, «Сѣверъ». (Вологда) 907, Іюль.

Р.

Разбойникъ пера надъ (!?) красотой добра и Бога —«Кіевское Слово», 903, февраль.

С.

Садическія прелести,—Али, «Нов. Дня», 1902, IX.
Садизмъ доморощенный,—Буренинъ, „Нов. Вр.“, 902, 27 сент.
Сумасшедшее творенье,—„Рус. Зн.“ 907, № 168.
Сумасшедшій бредъ,—А. М. Скабичевскій, „Новости“ 902, X.

Смердящія выраженія. — А. Ефимовъ, „Живописн. Обозр." 902, X.

Смрадное дыханіе пошлости, — Д. В. Философовъ. „Рѣчь", 908 IV.

Страсть ко лжи, унаслѣдованная отъ Іуды,—«Рус. Зн» 907, № 168.

Смрадъ заразительный.—З. Гиппіусъ. (Ант. Крайній) „Вѣсы" 907, V.

Т. У. Ф.

Тупой Андреевъ,—Розановъ. „Нов. Вр." 907. „Литерат. и педагогическія дѣла".

Упадочная глупость,—Буренинъ, „Нов. Вр." 907, X.

Удручающая и банальная прямолинейность,—Ю. А. „Рус. М." 903, III.

Фальшивые бриліанты. — Мережковскій, „Рус. М.". 908. I.

Х.

Хвастунъ, —
Хлестаковъ — } Розановъ. „Нов. Вр." 907, VII.

Хулиганъ литературный,—Семенъ Высокій, „Крымск. Сл." 907.

Ц. Ш. Щ.

Цинизмъ.—„Петербургск. Газета", 903, 14 февраля.

Шарлатанъ уличной литературы, бьющій на рекламу, — В Буренинъ, „Нов. Вр." 902, IX.

Шарлатанствующій талантъ,—
Шарлатанъ,— } В. Буренинъ,— „Нов. Вр" 902, X.

Шарлатановъ,—В. Буренинъ, „Нов. Вр." 907, IX.

Щенокъ. — В. Буренинъ, „Нов. Вр." 907, IX.

Я не думаю, чтобы этотъ лексиконъ совсѣмъ вѣрно и точно передавалъ душевныя качества Леонида Андреева, но мнѣ нравится то единодушіе, съ которымъ русское общество пестуетъ и лелѣетъ своихъ выдающихся культурныхъ работниковъ.

— Неумный человѣкъ, — говоритъ Аврелій. — Просто, тупица,—говоритъ Розановъ. — Недоумокъ, — подхватываетъ „Рус. Знамя“. Иначе говоря, дуракъ! - говоритъ „Развлеченіе“.—Глупый идіотъ!— подтверждаетъ Буренинъ; и умственныя способности автора „Призраковъ“ и „Василія Ѳивейскаго“ оцѣнены всесторонне.

Со стороны нравственной, Леонидъ Андреевъ, оказывается,—„прохвостъ“, „карьеристъ“, „порнографъ“, „садистъ“, „пошлякъ“, „лгунъ“, „шарлатанъ“, „дегенератъ“, „хулиганъ“ и „пропойца“. Конечно, это характеристика неполная, ибо еще не сказано, что онъ воръ, убійца и провокаторъ, но мы увѣрены, что и этотъ пробѣлъ скоро будетъ восполненъ съ лихвою.

Интересны мнѣнія о его произведеніяхъ, Гиппіусъ говоритъ: постыдная фальшь! Философовъ говоритъ: невыносимая фальшь! Луначарскій говоритъ: ложь! Буренинъ говоритъ: гнусная ложь! Розановъ резюмируетъ:

— Намъ кажется, что ни собока, ни Іуда не лгутъ такъ, какъ Леонидъ Андреевъ.“ („Нов. Вр.“ 907, VII).

О „белибердѣ“, „ерундѣ“, „чепухѣ“, „навозѣ“, „микстурѣ“, „сумасшедшемъ бредѣ“, я уже не говорю: русскому быту безъ этого никакъ невозможно. Но интересны отдѣльныя мнѣнія о вліяніи этихъ произведеній на читателя.

— „Эстетически невыносимо читать“, признается г. Ю. А. въ „Рус. Мысли“ 908, III.

— „Противно, физіологически противно!“ — жалуется г. А. Е. въ „Харк. Вѣд.“ 902, въ статьѣ „Литературный Янусъ“.

— „Вызываетъ тошноту“,—поясняетъ г. А. Ефимовъ въ „Живописн. Обозрѣніи“ 902, X.

— „Иногда становится тошно“ — соглашается Л. Т—кій въ „Сѣверѣ“ 1907, VII.

— „Хочется выбросить изъ устъ тотъ непроизвольный, краткій и выразительный звукъ, которымъ

выражается отвращеніе: тьфу, тьфу, тьфу!"—говоритъ Буренинъ „Нов. Вр." 1907, IX.

— „Даже человѣку флегматическаго темперамента трудно удержаться, чтобы, прочитавши, не швырнуть книжку въ уголъ комнаты, либо не сплюнуть энергично".—говоритъ г. А. Е. въ „Харк. вѣд." 902.

— „Мать дочери велитъ на эту сказку плюнуть", говоритъ Ив. Ив. Дмитріевъ,—впрочемъ здѣсь дѣло шло уже не объ Андреевскихъ вещахъ, а о „Русланѣ и Людмилѣ" Пушкина, того самаго Пушкина, которому на Пушкинской ул. теперь стоитъ металлическій памятникъ.

5.

Всѣмъ памятно письмо графини С. А. Толстой въ газету „Нов. Вр." по поводу сочиненій Андреева (1 февр. 1903), но письмо Л. Н. Толстого къ Андрееву, кажется, никогда не появлялось въ печати. Приводимъ его полностью:

„Благодарю васъ, Леонидъ Николаевичъ, за присылку вашей книги. Я уже прежде присылки прочелъ почти всѣ разсказы, изъ которыхъ многіе очень понравились мнѣ. Больше всѣхъ мнѣ понравился разсказъ „Жили были", но конецъ—плачъ обоихъ — мнѣ кажется неестественнымъ и ненужнымъ. Надѣюсь, когда-нибудь увидѣться съ вами и тогда, если вамъ это интересно, скажу болѣе подробно о достоинствахъ вашихъ писаній и ихъ недостаткахъ. Въ письмѣ это слишкомъ трудно. Желаю вамъ всего хорошаго".

Левъ Толстой.

30 декабря 1901 года.

АНДРЕЕВЪ ВЪ РУССКОЙ КРИТИКѢ:

ПО СТАТЬЯМЪ БРЮСОВА, ГИППІУСЪ, МЕРЕЖКОВСКАГО, РОЗАНОВА, ФИЛОСОФОВА И ДР.

О Леонидѣ Андреевѣ.

I.

Д. С. Мережковскій въ «Рус. Мысли» 1908, I.

Обезьяна, подглядѣвъ, какъ мать ласкаетъ ребенка, украла его изъ люльки и заласкала до смерти: есть объ этомъ разсказъ въ какой-то дѣтской книжкѣ съ картинками.

Когда я думаю о судьбѣ такихъ русскихъ писателей, какъ Максимъ Горькій и Леонидъ Андреевъ, заласканныхъ, задушенныхъ славою, то мнѣ вспоминается ребенокъ въ обезьяньихъ лапахъ.

Въ самомъ дѣлѣ, какая судьба: вчера—«властитель думъ», духовный самодержецъ и первосвященникъ русской интеллигенціи, а сегодня—что онъ, гдѣ онъ?--этого никто не знаетъ или скоро не будетъ знать. Холопство—въ поклоненіи, холопство—въ униженіи. Обезьянья нѣжность, обезьянья лютость. Объявили «конецъ Горькаго» — и выбросили конченнаго писателя, какъ выбрасываютъ выжатый лимонъ. Поступили съ человѣкомъ, какъ съ однимъ изъ тѣхъ резиновыхъ пузырей-куколокъ, которые надуваются до исполинскихъ размѣровъ, — «человѣкъ, это гордо!» — а затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ выходитъ воздухъ, ёжатся, морщатся и, наконецъ, съ послѣднимъ жалобнымъ пискомъ, совсѣмъ сникнувъ, становятся тряпкою.

Не хочется вѣрить въ «конецъ Горькаго»; пока живъ человѣкъ, живъ писатель: именно теперь, когда безчисленные мнимые друзья отвернулись отъ него, немногіе мнимые враги продолжаютъ смотрѣть на него съ надеждою, готовые протянуть ему руку

и, конечно, рады будутъ, первые, привѣтствовать возрожденіе Горькаго.

А пока что, новая жертвочка въ обезьяньихъ лапахъ—Леонидъ Андреевъ. Неужели и съ нимъ то же будетъ, что съ Горькимъ?

Нѣкогда Горькій казался великимъ художникомъ—и пересталъ казаться; Андреевъ кажется—и перестанетъ казаться. У обоихъ есть маленькіе драгоцѣнные камешки художественнаго творчества; но не эти камешки, а огромные фальшивые брилліанты плѣняли нѣкогда поклонниковъ Горькаго, сейчасъ плѣняютъ поклонниковъ Андреева.

Я себя не обманываю, я знаю: сейчасъ доказывать, что сила обоихъ писателей вовсе не въ художественномъ творчествѣ, а въ общественномъ дѣйствіи, не тамъ, гдѣ они исполняютъ, а тамъ, гдѣ они нарушаютъ законы прекраснаго, доказывать это—значитъ толочь воду въ ступѣ: никто не повѣритъ, никто не услышитъ. О вкусахъ, конечно, спорятъ. Что такое вся критика, какъ не споръ о вкусахъ? Есть однако предѣлъ, за которымъ споръ прекращается. Нельзя доказать кошкѣ, что валерьянъ пахнетъ хуже фіалки: надо перестать быть кошкою, чтобы это понять.

«Надъ всею жизнью Василія Ѳивейскаго тяготѣлъ суровый и загадочный рокъ. Точно проклятый невѣдомымъ проклятьемъ, онъ съ юности несъ тяжелое бремя печалей, болѣзней и горя, и никогда не заживали на сердцѣ его кровоточащія раны. Казалось, воздухъ губительный и тлетворный окружалъ его, какъ невидимое прозрачное облако».

Перевертываю страницы и нахожу: «садъ вѣчно таинственный и манящій», «острая тоска», «жгучее воспоминаніе», «молчаливая, творческая дума», «огромное, бездонное молчаніе», «стихійная необъятная дума», «молчаливо-загадочныя поля», «невѣдомая тоска», «необъятная тишина», «чистая творческая дума», «мучительныя воспоминанія», «неизвѣ-

данный счастливый просторъ», «роковая неизбѣжность», «безвыходное одиночество», «необъятный всевластный мракъ», «холодное отчаяніе», «музыка, играющая такъ обаятельно, такъ задумчиво и нѣжно», «музыка, обдающая волною горячихъ звуковъ», «дикое упоеніе злобою», «безмѣрная печаль нѣжной женской души», «огненная влага въ кубкѣ страданій».

Ну, съ меня довольно. Для моего человѣчьяго носа тутъ запахъ валерьяна слишкомъ чувствителенъ. И гдѣ бы я ни открылъ книгу, мелькаютъ все тѣ же цвѣты краснорѣчія, подобныя цвѣтамъ провинціальныхъ обоевъ. Не живыя сочетанія, а мертвая пыль словъ, книжный соръ. Слова, налитыя не огнемъ и кровью, а типографскими чернилами. Я знаю, что значитъ: «огурецъ соленый», «столъ круглый», но что значитъ: «мучительныя воспоминанія», «жгучая тоска» — я не то что не знаю, а знать не хочу, какъ не хочу знать, что опротивѣвшіе обойные цвѣточки имѣютъ притязаніе на сходство съ полевыми васильками и маками: мало ли чего хотѣлъ обойный фабрикантъ, да моя-то душа этого не хочетъ.

Существуетъ два рода писателей: одни пользуются словами, какъ ходячею монетою—стертыми пятиалтынными; другіе—чеканятъ слова, какъ собственную монету, выбивая на каждомъ свое лицо, такъ что сразу видно, чье слово: кесарево—кесарю; для однихъ слова—условные знаки, какъ бы сигналы на желѣзно-дорожныхъ семафорахъ; для другихъ—знаменія, чудеса, магія, «духовныя тѣла» предметовъ; для однихъ слово стало механикой; для другихъ— «слово стало плотью». Андреевъ, если не вездѣ, то больше всего тамъ, гдѣ старается быть художникомъ, принадлежитъ къ первому роду писателей.

Мнѣ могутъ возразить, что все это мелочи; но вѣдь достаточно опустить палецъ въ воду и попробовать на языкѣ, чтобы узнать, какая вода, прѣсная или соленая; достаточно сдѣлать химическій ана-

лизъ капли крови, чтобы узнать, какою болѣзнью заражено тѣло.

Каковы слова, таковы и мысли.

«Къ звѣздамъ», кажется, единственное произведеніе Андреева, въ которомъ дѣйствующія лица не только вопятъ и скрежещутъ зубами но и бесѣдуютъ.

«Всякій человѣкъ долженъ быть сильнымъ». «Астрономія—торжество разума». «У американцевъ—высокая культура», «Вы какъ будто противъ науки, Анна Сергѣевна?»—«Не противъ науки, а противъ ученыхъ, которые уклоняются отъ общественныхъ обязанностей». «Для революціи нуженъ талантъ». «Буржуа—звѣри, они всегда питались человѣческою кровью». «У меня подъ юбкой знамя было—наше знамя, я приколола его англійскими булавками, но какое оно тяжелое». «Собакѣ нужно время, чтобы привыкнуть къ потерѣ щенка». «Измѣнниковъ и продателей нужно казнить смертью». «Можно убивать электричествомъ, тогда безъ крови», «Среди насъ, евреевъ, родился Христосъ и Марксъ». «Товарищи, солнце вѣдь тоже пролетарій».

По этимъ изреченіямъ я не сужу объ умѣ самого Андреева, только спрашиваю, знаетъ ли онъ или не знаетъ, что его герои одарены нечаяннымъ самоубійственнымъ остроуміемъ Кузьмы Пруткова.

Иногда говорятъ они въ стихахъ.

Небо такъ ясно, солнце прекрасно,
Солнце зоветъ.
Въ веселой работѣ, чужды заботѣ,
Братья, впередъ.
Грозы и бури, ясной лазури
Не побѣдятъ.
Подъ бури покровомъ, въ мракѣ грозовомъ
Молньи горятъ.

Можетъ быть, этотъ пролетарскій гимнъ солнцу внушенъ благородными чувствами, но стихи все-таки прескверные.

Краснорѣчіе дурного вкуса особенно тягостно тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о самомъ святомъ для Андреева и для его читателей.

«Гибнетъ свобода, бѣдная невѣста въ бѣлыхъ цвѣтахъ, обрѣтшая гибель въ часъ брачнаго торжества. Но, чу, слышенъ топотъ. Идутъ. Словно десятки гигантскихъ барабановъ отбиваютъ густую тревожную дробь. Трамъ-трамъ-трамъ. Идутъ предмѣстья. Идутъ защищать свободу. Развѣ можно удержать падающую лавину? Кто осмѣлился сказать землетрясенію: до сюда земля твоя, а дальше не трогай... Такъ это народъ! И гордость, и чувство силы, и жажда великой, еще невиданной свободы. Свободный народъ—какое счастье! Трамъ-трамъ-трамъ... Гремитъ революціонная пѣсня... Къ оружію, граждане! Собирайтесь въ батальоны! Идемъ, идемъ!... Спасена свобода!»

Да вѣдь это же Кукольникъ: «Рука Всевышняго отчество спасла», или вывернутые наизнанку.—

Громъ побѣды раздавайся,
Веселися, храбрый Россъ!

Революціонная казенщина, которая хуже правительственной. Стиль аракчеевскихъ казармъ — въ стилѣ «военной диктатуры пролетаріата». Стоило начинать революцію, чтобы не найти въ ней ничего, кромѣ «трамъ-трамъ-трамъ». Неужели Андреевъ не чувствуетъ, что такія молитвы—кощунство?

Какъ всѣ, кто не владѣетъ языкомъ, онъ его насилуетъ.

Въ разсказѣ «Такъ было» рѣчь идетъ о герояхъ французской революціи. Они, говоритъ Адреевъ, «любимыя дѣти грозныхъ дней — окровавленныхъ головъ, которыя носятъ на пикахъ, какъ тыквы; мясистыхъ губчатыхъ сердецъ, изъ которыхъ выжимаютъ кровь; могучихъ титаническихъ рѣчей, гдѣ слово острѣе кинжала и мысль безпощаднѣе, чѣмъ порохъ. Покорные волѣ державнаго народа, они вызвали призракъ таинственной власти— и сейчасъ, холодные, какъ ученые анатомы, какъ судьи, какъ палачи, они изслѣдуетъ его голубое сіяніе, пугающее невѣждъ и суевѣровъ, разнимутъ его призрачные члены, найдутъ черный ядъ тираніи и предадутъ его послѣдней казни».

Что это значитъ? «Дѣти дней—губчатыхъ сердецъ—изслѣдуютъ голубое сіяніе призрака власти и предаютъ казни ядъ тираніи.

«О, великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ! Не будь тебя, какъ не впасть въ отчаяніе? Но нельзя вѣрить, чтобы такой языкъ не былъ данъ великому народу». Не будемъ забывать, что безъ русскаго языка и русской революціи не сдѣлаешь. Кто изъ насъ не возмутится, когда безчестятъ женщину; отчего же мы не возмущаемся, когда безчестятъ языкъ: вѣдь и онъ живой, вѣдь и онъ цѣломудренный. Есть преступленія противъ языка, которыя никому не прощаются.

Горько сознаться, что въ русской революціи дѣла, достойныя титановъ совершаются подъ пѣсни пигмеевъ, подъ такія гимназическія вирши, «Вставай, подымайся, рабочій народъ».—Неужели наша свобода родилась глухо-нѣмою, или это все еще древнее косноязычіе рабовъ?

II.

Не только красота, но и уродство, не только ладъ міра, космосъ, но и міровой разладъ, хаосъ, могутъ быть предметомъ искусства, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы въ обѣихъ эстетикахъ, положительной и отрицательной, въ отраженіи космоса и въ отраженіи хаоса господствовалъ одинъ законъ—художественная мѣра, категорическій императивъ искусства—воля къ прекрасному. Художникъ можетъ созерцать уродство, но не можетъ хотѣть уродства; можетъ быть въ хаосѣ, но не можетъ быть хаосомъ,

Художественное творчество Андреева мнѣ кажется сомнительнымъ не потому, что онъ изображаетъ уродство, ужасъ, хаосъ,—напротивъ, подобныя изображенія требуютъ высшаго художественнаго творчества,—а потому, что, созерцая уродство, онъ соглашается на уродство, созерцая хаосъ, становится хаосомъ.

У священника Василія Өивейскаго одинъ сынъ утонулъ, другой—родился идіотомъ и ѣстъ живыхъ прусаковъ, жена съ горя пьетъ запоемъ. Дочь говоритъ отцу, что хотѣла бы убить мать и брата. Въ пожарѣ сгораетъ жена священника, «вмѣсто лица у нея—сплошной бѣлый пузырь». Священникъ сходитъ съ ума и хочетъ воскресить мертваго; мертвый не воскресаетъ. Священникъ со злобою трясетъ гробъ и кричитъ: «Да говори же ты, проклятое мясо!» Въ галлюцинаціи видитъ то встающаго изъ гроба сына-идіота, то снова трупъ—«и такъ безумно двоится гніющая масса». Священникъ бѣжитъ въ поле, а за нимъ изъ грозовыхъ тучъ, какъ «изъ огненнаго клубящагося хаоса, несется громоподобный хохотъ и трескъ, и крики дикаго веселья». Онъ «падаетъ, крутится по землѣ, окровавленный, страшный и снова бѣжитъ», и, наконецъ, умираетъ на большой дорогѣ.

Было ли, бываетъ ли такъ въ жизни? Для художника вопросъ не въ томъ, есть ли въ жизни ужасъ, а есть ли въ жизни трагедія. Мало ли ужасовъ въ газетномъ отдѣлѣ происшествій: то колесо ломовика раздавило черепъ Кюри, изобрѣтателя радія, то свинья отъѣла голову трехлѣтнему ребенку. Можно, конечно, и по поводу этихъ происшествій поднять проблему міроваго зла; но лучше не подымать—все равно, ничего не выйдетъ, кромѣ метафизическихъ общихъ мѣстъ. Всѣ мы, смертные, знаемъ, что какіе угодно ужасы съ каждымъ изъ насъ могутъ случиться, и мы ужъ тѣмъ, что родились, какъ бы согласились на нихъ. Тутъ нѣтъ еще трагедіи: трагедія начинается тамъ, гдѣ есть борьба, а борьба начинается тамъ, гдѣ есть надежда преодолѣть слѣпую судьбу — свинью, съѣдающую — и колесо, давящее насъ. У Андреева никакой надежды нѣтъ, а слѣдовательно, нѣтъ никакой трагедіи.

Главный ужасъ жизни вовсе не въ тѣхъ эмпирическихъ ужасахъ, отъ которыхъ герои Андреева вопятъ, корчатся и скрежещутъ зубами.

Разумѣется, древніе трагики глубже Андреева заглянули въ ужасъ міра; недаромъ они рѣшили, что «лучше всего человѣку не рождаться, а родившись умереть поскорѣй»; но они вмѣстѣ съ тѣмъ знали, что земная жизнь такова, что о ней нельзя сказать ни того, что она совсѣмъ хороша, ни того, что она совсѣмъ дурна. Это значитъ, говоря попросту,—жизнь наша сѣренькая, ни то, ни се, серединка на половинкѣ,—и въ этой-то сѣрости ея главный ужасъ. Это—въ сущности то же. что говоритъ Гоголь въ концѣ «Повѣсти о томъ, какъ поссорились Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ»: «опять поле, мѣстами изрытое, черное, мѣстами зеленѣющее, мокрыя галки и вороны, однообразный дождь, слезливое безъ просвѣту небо... Скучно на этомъ свѣтѣ, господа». Эта смерть заживо, эта здѣшняя скука расширяется до той нездѣшней, метафизической тоски, въ которой есть предчувствіе небытія свидригайловской «бани съ пауками по угламъ»—вѣчной смерти. Если же нѣтъ, какъ для адреевскихъ героевъ, ни вѣчной жизни, ни вѣчной смерти, то временная жизнь и смерть только «дьяволовъ водевиль»,—жизнь копѣйка, а судьба индѣйка—и «пусть все летитъ къ чорту», какъ горьковскіе босяки философствуютъ.

Въ Барджелло, одномъ изъ флорентійскихъ музеевъ, есть бронзовая голова Данте: лицо спокойное, почти равнодушное, а между тѣмъ сразу видно, что это лицо того, кто видѣлъ адъ. Въ томъ же музеѣ восковое изображеніе чумы съ отвратительными подробностями — гніющіе трупы, изъ которыхъ вываливаются внутренности, и въ нихъ кишатъ огромные черви. Поклонники андреевскихъ ужасовъ напоминаютъ мнѣ тѣхъ воскресныхъ зѣвакъ, которые, скучая, проходятъ мимо головы Данте и толпятся съ жадностью у восковой чумы.

Знаетъ ли онъ, что послѣдній ужасъ не въ огнѣ и бурѣ, а въ вѣяньи тихаго вѣтра? Или ему кажется, что слово чѣмъ громче, тѣмъ сильнѣе, что

ударъ палкою по головѣ всегда внушительнѣе, чѣмъ сказанное шепотомъ или даже вовсе несказанное? Его герои какъ будто думаютъ, что можно все высказать, все выкрикнуть, только бы хватило голоса. У нихъ нѣтъ недоговореннаго, умолчаннаго. Нѣтъ того, что «въ существѣ разумномъ мы зовемъ возвышенной стыдливостью страданья". Сразу вываливаютъ все, что есть за душой, что въ печи, на столъ мечи. Похожи на тѣхъ нищихъ, которые выставляютъ язвы напоказъ, прося копеечки.

Открываю книгу, и нагроможденіе ужасовъ ошеломляетъ меня, я подъ ними барахтаюсь, какъ подъ внезапно свалившейся лавиною. Но опомпнаюсь и мало-по-малу догадываюсь, въ чемъ дѣло. А дѣло въ томъ, что меня хотятъ запугать. И во мнѣ пробуждается духъ противорѣчія: такъ вотъ же тебѣ, не боюсь, не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ. И усмѣхаюсь, и отъ этой усмѣшки намалеванный чортъ, «нѣкто въ сѣромъ», проваливается окончательно. И мнѣ просто весело смотрѣть, какъ на сценѣ «балаганчика» изъ проломленныхъ головъ течетъ вмѣсто крови клюквенный сокъ и какъ бушуетъ игрушечный хаосъ въ стаканѣ воды. Сначала весело, а потомъ скучненько,—черезчуръ долго пустые ужасы катятся и гремятъ, какъ пустыя бочки. И я закрываю книгу съ безмятежною зѣвотой. Если же снова открою, то уже не для того, чтобы искать въ Андреевѣ художника.

Но тутъ не кончается, а только начинается вопросъ, въ чемъ же сила Андреева. Вѣдь всета-ки, по дѣйствію на умы читателей, среди современныхъ русскихъ писателей нѣтъ ему равнаго. Всѣ они свѣчи подъ спудомъ, онъ одинъ—свѣча на столѣ. Они никого не заразили: онъ заражаетъ всѣхъ. Хорошо или дурно, но это такъ, и нельзя съ этимъ не считаться критикѣ, если критика есть пониманіе не только того, что пишется о жизни, но и того, что дѣлается въ жизни.

Эстеты римскаго упадка не хотѣли читать апо-

стола Павла, потому что онъ плохо писалъ по-гречески. Проигралъ не Павелъ, а тѣ, кто его не читали: проглядѣли христіанство. Я не сравниваю Андреева съ апостоломъ Павломъ. Но боюсь, какъ бы и здѣсь не проглядѣть жизнь.

Тѣ огненные языки, которые знаменуютъ сошествіе Духа, нѣкогда горѣли надъ русскою литературой: теперь потухли или горятъ уже не тамъ. Что-то есть въ русской жизни, чего уже нѣтъ или еще нѣтъ въ русской литературѣ, въ словѣ. Жизнь ушла въ безсловесную глубь. Теперь то, что пишется, значительнѣе того, что печатается: то, что говорится— того, что пишется, и, наконецъ, то, что умалчивается— того, что говорится. Теперь, — что у кого болитъ, тотъ о томъ не говоритъ: сказать—языкъ не поворачивается: написать — рука не подымается, — гдѣ ужъ тутъ печатать.

Недавно заговорили о «зеленой опасности»; въ газетахъ появились дневники и письма гимназистовъ изъ «подполья», которые поступаютъ въ общество «огарковъ» и стрѣляются, потому что не рѣшили міровыхъ вопросовъ. Это, конечно, не литература,—безпомощно, почти безграмотно. Но какъ подлинникъ жизни, можетъ-быть, значительнѣе, чѣмъ вся современная литература. Предсмертныя письма самоубійцъ рѣдко бываютъ правдивыми, но въ какомъ-то порядкѣ они все-таки подлиннѣе стиховъ Пушкина.

Произведенія Андреева напоминаютъ письма самоубійцъ: подъ ложью правда, какъ подъ пепломъ огонь: огня не видать, а дотроньтесь—обожжетъ.

На сценѣ «балаганчика» изъ головы Пьеро течетъ клюквенный сокъ; но Пьеро все же не кукла, а человѣкъ, и когда ему надоѣстъ быть куклою, онъ, можетъ-быть, уйдетъ за сцену и пуститъ себѣ пулю въ лобъ: тогда потечетъ кровь, и балаганчикъ кончится трагедіей.

Я не боюсь того, чѣмъ Андреевъ меня пугаетъ; но боюсь, чтобъ онъ самъ не испугался, какъ дѣти,

которымъ однажды, во время игры въ чорта, явился чортъ,

Андреевъ не художникъ, но все же почти геніальный писатель: у него геній всей русской интеллигенціи—геній общественности. Есть у Андреева и нѣчто бóльшее, небывалое въ русской интеллигенціи: прикосновеніе общественности къ религіи. Что изъ этого выйдетъ, добро или зло, сейчасъ трудно рѣшить, но что бы ни вышло, неизмѣримо важно, что это случилось. Нужна небольшая религіозная опытность, чтобы предсказать, что для русской общественности прикосновеніе къ религіи даромъ не пройдетъ; ноготокъ увязъ, всей птичкѣ пропасть. Религіозная безсознательность все равно, что половая дѣвственность: потерявъ, не вернешь.

О Богѣ Андреевъ не первый задумался въ русской литературѣ, которая эти думы, можно сказать, всосала съ молокомъ матери. Мистика Достоевскаго, по сравненію съ мистикой Андреева—солнечная система Куперника, по сравненію съ календаремъ. Недосягаемыя глубины мистическаго созерцанія, перейдя изъ четвертаго измѣренія во второе, въ общедоступную плоскость, какъ бы неимовѣрно расплющились. Елевзинскія таинства превратились въ уличный митингъ. Но это не потеря, а только превращеніе мистической энергіи—ея переходъ изъ созерцанія въ дѣйствіе, изъ личности въ общество, изъ мысли одного въ волю всѣхъ.

Великіе русскіе мистики, отъ Гоголя до Л. Толстого и Достоевскаго, только и дѣлали, что рвались къ общественности, но вѣдь вотъ почему-то такъ и не дорвались—остались дневными звѣздами, которыя видимы только въ черной водѣ колодцевъ. Почему? Не потому ли, что для русскихъ мистиковъ донынѣ всегда, сколько бы они этому ни противились, религія кончалась реакціей? Русская интеллигенція зачитывалась ими, какъ художниками, но не жила съ ними въ своей единственно подлинной жизни—въ революціонной общественности. Тутъ они чужіе,

Андреевъ—свой братъ, типичнѣйшій русскій интеллигентъ. Положеніе необычайное—«властитель думъ», а лицо, какъ у всѣхъ; говоритъ, чувствуетъ, думаетъ, какъ всѣ. Заражаетъ, потому что зараженъ. На немъ видно, какъ мистика, нѣкогда рѣдчайшая болѣзнь, случай бѣлаго ворона, становится эпидемической: всѣ черные вороны вдругъ побѣлѣли.

По степени религіознаго сознанія, андреевскіе герои—недоумки, недоросли. Но въ Россіи издавна такъ повелось, что общественность дѣлаютъ не взрослые, а дѣти, эти вѣчные русскіе мальчики въ въ красныхъ рубашкахъ-косовороткахъ и студенческихъ тужуркахъ, которые въ религіозномъ сознаніи ушли немногимъ дальше Писарева и Чернышевскаго. Съ Богомъ навсегда покончено, — такъ думали они вчера, а сегодня, не то чтобы подумали иначе, но зашевелилось у нихъ что-то на днѣ прежнихъ думъ, какъ большая рыба въ мутной водѣ. Откуда, что, зачѣмъ,—они еще сами не знаютъ. Со старой дороги не свернули, а только зашли въ тупикъ и уперлись лбомъ въ стѣну. Конечно, жаль лбовъ, ну, да ничего, пусть поколотятся, и если даже кто-нибудь разобьетъ себѣ голову, зато другіе поймутъ, наконецъ, что религія—не пустое мѣсто; а можетъ-быть, и достучатся до той двери, о которой сказано: стучите и отворится.

Отсылаемъ читателей къ самой статьѣ Д. С. Мережковскаго: она несомнѣнное «событіе» въ русской духовной жизни. Суровую отповѣдь встрѣтила она со стороны Н. М. Минскаго («Наша Газета» № 1), и отповѣдь эта вызвала отповѣдь Д. В. Философова («Рѣчь», апрѣль 1908).

2.

Аврелій въ „Вѣсахъ" 1908, I.

«У Л. Андреева есть свой стиль. Это узнаешь

съ первыхъ строкъ безъ подписи. Это — первое испытаніе, которому должно подвергать писателя, и Л. Андреевъ выходитъ изъ него торжествующимъ. У Л. Андреева есть умѣніе изображать, рисовать четко, выпукло и ярко. Его картины запоминаются, созданныя имъ лица живутъ между нами. У Л. Андреева есть фантазія, порой онъ насилуетъ ее, но часто она совершенно свободно перекидываетъ черезъ его страницы свои радуги. Л. Андреевъ умѣетъ «выдумать», подступить къ своему сюжету съ неожиданной стороны.

Все это сильныя стороны творчества Л. Андреева.

Всѣмъ имъ противополагается одна слабая, но эта одна едва-ли не уравновѣшиваетъ тѣ три.

Талантъ Андреева—талантъ некультурный. Л. Андреевъ—талантливый писатель, но не умный и не образованный человѣкъ. *)

Талантъ есть совершенно особый даръ, скажемъ, «небесъ». Иногда онъ «озаряетъ голову безумца, гуляки празднаго». Иногда, напротивъ, падаетъ онъ на человѣка сильнаго ума и мощной воли. Въ послѣднемъ случаѣ въ мірѣ оказывается Гете, оказывается Данте, оказывается Пушкинъ.

Въ Л. Андреевѣ талантъ,—стихійное дарованіе беллетриста, не соединяется ни съ остротою мысли, ни съ истинной культурой души.

К. Чуковскій въ „Рѣчи". Январь 1908.

«Мѣщанство утратило для современной русской

---

*) Примѣчаніе автора замѣтки:

Само собою разумѣется, что я говорю о томъ образѣ Леонида Андреева, который выступаетъ изъ его книгъ. Охотно допускаю, что въ частной жизни Л. Андреевъ (я не имѣю чести быть съ нимъ знакомымъ) проявляетъ много ума, и еще охотнѣе признаю, что Л. Н. Андреевъ, окончивъ курсъ университета, имѣетъ нѣкоторое право почитать себя человѣкомъ образованнымъ.

беллетристики сколько-нибудь конкретныя черты и приняло титаническіе размѣры.

Своею «Жизнью человѣка» Леонидъ Андреевъ попытался вскрыть мѣщанственность всякой жизни, всякаго существованія,—мѣщанственность бытія, а не быта.

Въ повѣсти «Тьма» даже мученикъ-герой, полагающій жизнь «за други своя» оказывается у Андреева мѣщаниномъ.

Въ новеллѣ «Іуда и другіе» въ мѣщанственности обличается весь міръ, купившій и продавшій Бога: даже ученики Христовы, даже мученики, даже апостолы—мѣщане.

4,

Д. С. Мережковскій въ „Своб. Мысляхъ".

Январь 1908.

Если бы критикъ (Чуковскій) довелъ мысль Андреева до неизбѣжнаго, хотя, можетъ-быть безсознательнаго конца, то оказалось бы, что въ мѣщанственности обличается не только весь міръ, но и Богъ («Нѣкто въ сѣромъ»), не только ученики Христовы но и самъ Христосъ.

Чуковскій почти соглашается съ Андреевымъ, что христіанство—«мѣщанство». Но почему же, однако, эта идея, будто бы, всей современной культуры—борьба съ мѣщанствомъ, да еще титаническимъ, въ русской литературѣ превратилась въ блѣдную, мертвую «тѣнь», въ грязную тину на днѣ высохшаго колодца? И во имя чего борется Андреевъ съ мѣщанствомъ въ мірѣ, въ Богѣ? Критикъ прошелъ мимо этого вопроса или, вѣрнѣе, наткнулся на него, какъ слѣпой, и въ слѣпомъ ужасѣ шарахнулся въ сторону. А между тѣмъ отвѣтъ на этотъ вопросъ, можетъ-быть, и выяснилъ бы причины того умственнаго столбняка, въ который, какъ вѣрно и грозно

предостерегаетъ Чуковскій, впала вся современная русская литература..

Вотъ отвѣтъ на нѣмой вопросъ Чуковскаго: во имя чего происходитъ борьба съ «титаническимъ мѣщанствомъ?». Во имя титаническаго хулиганства. О, конечно, самого Андреева черта великаго страданья или безумья отдѣляетъ отъ хулиганской рѣзвости тѣхъ безчисленныхъ мистическихъ анархистовъ, которые съ «оргійнымъ» визгомъ валяются, какъ щенята на солнцѣ. Но въ своемъ религіозномъ сознаніи или, вѣрнѣе, въ своей религіозной безсознательности, Андреевъ беззащитенъ передъ этимъ налѣзающимъ на него, облипающимъ его, мистико-анархическимъ хулиганствомъ.

5.

И. П. Барановъ. Леонидъ Андреевъ, какъ художникъ, психологъ и мыслитель. Кіевъ 1907.

Соединяя въ себѣ реализмъ съ метафизическимъ складомъ мышленія, г. Андреевъ въ лучшихъ своихъ произведеніяхъ меньше всего заботится о томъ, что-бы его герои были въ полномъ смыслѣ слова жизненными типами. Онъ разрѣшаетъ сложные общечеловѣческіе вопросы, и больше теоретизируетъ, чѣмъ пишетъ съ натуры. Въ самомъ дѣлѣ, и Сѣргѣй Петровичъ, и докторъ Керженцевъ, и Василій Ѳивейскій—этотъ всеохватывающій треугольникъ человѣческаго бытія—безусловно выдержаны и психологически цѣльны. Но въ жизни вы все-таки почти не найдете ни такихъ посредственностей, ни такихъ индивидуалистовъ, ни такихъ вѣрующихъ. И это отнюдь не умаляетъ громадныхъ достоинствъ творчества г. Андреева: ибо художникъ-философъ всегда очень широко смотритъ на вещи, не замыкаясь ни въ какія условныя рамки.

Такъ созданы и «Іовъ», и «Фаустъ», и «Гамлетъ» и мн. др..

Отсюда вытекаетъ и основное значеніе творчества г. Андреева. Принимая во вниманіе наши общественныя условія, нужно признаться, что для русской общественной жизни вообще творчество г. Андреева какъ будто немного не по времени. Но, какъ мы только что сказали, такого рода художникъ по самой духовной организаціи стоитъ внѣ всякихъ обычныхъ рамокъ, и въ этомъ именно залогъ того успѣха и интереса, которымъ будутъ пользоваться несомнѣнно его произведенія и черезъ десятки лѣтъ. Для людей слабыхъ, страдающихъ мучительнымъ «страхомъ жизни»—міросозерцаніе г. Андреева смертельный ядъ. Оно въ конецъ разрушитъ въ нихъ вѣру въ болѣе свѣтлое будущее человѣческой жизни, и они будутъ совершенно обезсилены. Но люди крѣпкіе найдутъ много силы и скрытой внутренней энергіи въ этомъ самомъ ультрапессимистическомъ всеотрицаніи. Чѣмъ безжалостнѣе рокъ, чѣмъ больше крови и мозговъ облипаетъ ненасытную «стѣну», тѣмъ стремительнѣе и чаще станутъ натиски могучихъ одухотворенныхъ борцовъ за человѣческую свободу, тѣмъ ближе и вѣрнѣе будетъ окончательная побѣда надъ зломъ.

Таково обоюдоострое значеніе творчества г. Андреева.

Іуда. В. Розановъ въ „Нов. Вр.“ Іюль 1907 г.

Хлестаковъ былъ «съ Пушкинымъ на дружеской ногѣ» и, бывало, говорилъ ему: «Ну, что̀, братъ Пушкинъ?» Андреевъ хватилъ куда дальше: онъ рѣшилъ «перекинуться картишками»... съ апостолами Петромъ и Іоанномъ, съ евангелистомъ Матѳеемъ «и прочими. Онъ такъ и надписалъ, не покраснѣвъ, не поблѣднѣвъ:

«Іуда Искаріотъ и другіе».

Почему «и другіе»? Почему онъ такъ надписалъ

или такъ надписала эта петербургская «reine de diamants»? «И другіе»?! Объ апостолахъ?!! Которые почему-то полторы тысячи лѣтъ живутъ въ памяти сотенъ миліоновъ людей, и знаменитый авторъ никогда себя не спросилъ: «почему же это»? Великій Леонидъ Петровичъ (или Иванычъ?) Андреевъ этимъ «и другіе» выразилъ уничижительное свое презрѣніе къ апостоламъ; такое презрѣніе, такое презрѣніе, что отъ апостоловъ приблизительно ничего не должно остаться. «Только мокренько». Ну, куда Кавальери до такихъ успѣховъ, та подъ шлейфы свои упрятывала только богатыхъ купцовъ и изношенныхъ графовъ, а этотъ «хлопнулъ по апостоламъ»—и ничего не осталось, пусто.

И силища же, подумаешь, у человѣка!

* * *

Евангелія до Леонида Андреева никто не могъ понять: ни Ренанъ, ни Штраусъ, ни Гарнакъ, не говоря ужъ о такихъ людяхъ черной сотни, какъ Босюэтъ и тоже «другіе». Лютеръ, Кальвинъ, Цвингли, Меланхтонъ—ничего не понимали. Догадался первый обо всемъ Леонидъ Андреевъ. Онъ догадался, что Іуда былъ не худшій изъ учениковъ І. Христа, менѣе всѣхъ Его любившій, а, напротивъ, лучшій и болѣе всѣхъ Его любившій, который даже принялъ участіе въ Его подвигѣ искупленія. Т.-е., по расцѣнкѣ нашего «вѣка пара и электричества», онъ былъ лучшій потому, что былъ по крайней мѣрѣ уменъ, тогда какъ остальные апостолы были ужъ до того глупы, до того глупы, что Леонидъ Андреевъ не даромъ называетъ ихъ охапкою «и другіе». Просто не стоитъ упоминать именъ. Опачкалъ бы ими заглавіе великаго своего произведенія.

Итакъ, Іуда лучшій. Такова тема произведенія, тотъ камень, бухнувшійся въ океанъ Леонидъ-Адреевской души, который вызвалъ всплескъ и игру его мысли и художества. Читаемъ .. и глазамъ своимъ не вѣримъ. Слушайте:

„Лгалъ Іуда постоянно, но къ этому привыкли, такъ какъ не видѣли за ложью дурныхъ поступковъ, а разговору Іуды и его разсказамъ она придавала особенный интересъ и дѣлала жизнь (чью?) похожею на смѣшную, а иногда и страшную сказку. По разсказамъ Іуды выходило такъ, будто онъ знаетъ всѣхъ (?!) людей, и каждый человѣкъ, котораго онъ знаетъ, совершилъ въ своей жизни какой-нибудь дурной поступокъ или даже преступленіе. Хорошими же людьми, по его мнѣнію, называются тѣ, которые умѣютъ скрывать свои дѣла и мысли; но если такого человѣка обнять, приласкать и выспросить хорошенько, то изъ него потечетъ, какъ гной изъ проколотой раны, всякая неправда, мерзость и ложь. Онъ охотно сознавался, что иногда лжетъ и самъ, но увѣрялъ съ клятвою, что другіе лгутъ еще больше... Всѣ обманываютъ его, даже животныя: когда онъ ласкаетъ собаку, она кусаетъ его за пальцы, а когда онъ бьетъ ее палкой, она лижетъ ему ноги и смотритъ въ глаза какъ дочь (?). Онъ убилъ эту собаку, глубоко зарылъ ее и даже заложилъ большимъ камнемъ, но кто знаетъ: можетъ быть оттого, что онъ ее убилъ, она стала еще болѣе живою, и теперь не лежитъ въ ямѣ, а весело бѣгаетъ съ другими собаками"... „Всѣ, т. е. апостолы, которымъ это онъ разсказывалъ, весело смѣялись на его разсказъ: но черезъ нѣсколько времени онъ добавилъ, что немного солгалъ: собаки этой онъ не убивалъ" (стр. 270—271).

Мнѣ кажется, что ни собака, ни Іуда не лгутъ однако такъ, какъ Леонидъ Андреевъ, и по такому скверному мотиву: во-первыхъ, по внутреннему хвастовству, постоянно стоящему въ его душѣ, вслѣдствіе котораго онъ блаженно увѣренъ, что какую бы чепуху ни написалъ—все будетъ «талантливо», а во-вторыхъ, даже и собака въ своей «лжи» достигаетъ нѣкоторой цѣли, тогда какъ Леонидъ Андреевъ уходитъ со своей ложью совершенно въ сторону отъ той темы, которую поставилъ для своего новаго произведенія: именно показать, что Іуда Искаріотъ былъ лучшій, и между прочимъ патетически, нравственно лучшій, чѣмъ прочіе апостолы..

Недоумѣвающіе апостолы, видя, какъ Іуда цыганитъ надо всѣмъ, спрашиваютъ его объ отцѣ и матери: «развѣ хоть они-то не были хорошіе люди?» Іуда отвѣчаетъ невѣроятными словами, невозможными не только въ Евангеліи, среди евангельскихъ лицъ, хотя бы какъ слушателей, но и нигдѣ на семитскомъ Востокѣ:

— А кто былъ мой отецъ? Можетъ быть тотъ человѣкъ, который билъ меня розгой, а можетъ быть и дьяволъ, и козелъ, и пѣтухъ. Развѣ можетъ Іуда знать всѣхъ съ кѣмъ дѣлила ложе его мать? У Іуды много отцовъ. Про котораго вы говорите?

Андреевъ, воображающій, что онъ всегда «уменъ», мазнулъ мочалкою, поднятой со «Дна» М. Горькаго, по евангельскимъ лицамъ, не смутившись даже передъ азбучнымъ требованіемъ отъ всякаго художественнаго произведенія, чтобы лица, положимъ, семитской крови не выражались языкомъ Монголовъ или Индійцевъ, и въ I вѣкѣ по Р. Х. не говорили такъ, какъ говорятъ въ парижскихъ кабачкахъ XIX—XX вѣка.

Этотъ разговоръ «о родителяхъ» происходитъ на 272-й страницѣ, — и безъ всякаго перехода, безъ какого-либо подготовленія читателя уже на 273-й страницѣ, т. е. рядомъ, Л. Андреевъ неожиданно такъ-сказать сдергиваетъ полотно съ главной мысли своего произведенія, имѣющей ошеломить и испугать читателя:

Апостолы спрашиваютъ Іуду, хулиганящаго надъ своей матерью и множествомъ предполагаемыхъ отцовъ.

— Любишь-ли ты Іисуса?

Со страшною злобою Искаріотъ бросилъ отрывисто и рѣзко:

— Люблю.

Штрихъ за штрихомъ, Л. Андреевъ сгущаетъ краски многозначительности на Іудѣ. Но чѣмъ и какъ? Послѣ приведенныхъ имъ милыхъ разговоровъ совершенно невозможно было вложить Іудѣ какое-нибудь глубокое слово. Вѣдь это шутъ и только шутъ, по его же характеристикѣ, совершенно нецѣлесообразной. Андреевъ и не пытается этого сдѣлать. Съ другой стороны онъ и не приписываетъ Іудѣ сколько-нибудь значительныхъ поступковъ, которые бы говорили объ его оригинальной и въ основѣ глубокой душѣ. Въ одномъ мѣстѣ Іуда бросаетъ очень тяжелые камни безъ всякой цѣли, а въ другомъ онъ своимъ шутовствомъ обращаетъ на себя

гнѣвъ разъяренной народной толпы, погнавшейся за Іисусомъ, и тѣмъ дастъ Ему спастись. Но и это «дѣяніе» ничего особеннаго не представляетъ. «Многозначительность» Іуды и превосходство его надъ апостолами показывается Андреевымъ инымъ путемъ: тѣмъ, что онъ повсюду заставляетъ Іуду трунить надъ апостолами, причемъ естественно Іуда оказывается ровно столько остроумнымъ, сколько остроуменъ Андреевъ, сочиняющій за него остроты. Ну, а умъ Андреева, разумѣется, здѣсь, какъ и вездѣ *).

Толпа апостоловъ идетъ по дорогѣ за Іисусомъ. Онъ обращается къ Ѳомѣ:

— Ты хочешь видѣть глупцовъ? Посмотри, вотъ идутъ они по дорогѣ, кучкой, какъ стадо барановъ, и подымаютъ пыль. А ты, умный Ѳома, плетешься сзади, и я, благородный, прекрасный Іуда, плетусь сзади...

«Умнымъ» онъ назвалъ ап. Ѳому только въ глаза, ибо, какъ показываетъ Л. Андреевъ, Іуда въ глаза всѣмъ льститъ и за глаза всѣхъ ругаетъ.

Объ ап. Петрѣ онъ говоритъ тому же Ѳомѣ, который у Андреева вездѣ играетъ роль грамофона, воспринимающаго слова Іуды:

— Развѣ есть кто-нибудь сильнѣе Петра? Когда онъ кричитъ, всѣ ослы въ Іерусалимѣ думаютъ, что пришелъ ихъ Мессія и тоже подымаютъ крикъ. Ты слышалъ когда-нибудь ихъ крикъ, Ѳома?

Не правда ли, какъ остроумно? Этотъ «Мессія ословъ», апостолъ Петръ — Мессія ословъ? Совершенно какъ у Вольтера!

Наконецъ, паѳосъ подымается. Это тоже «стиль Андреева»... Что бы вы ни читали у Андреева, съ первой строчки вы чувствуете, что попали на патетическаго писателя, сосредоточеннаго, немножко угрюмаго, таинственнаго, который вотъ-вотъ откроетъ

---

*) Итересно напомнить, что въ томъ же „Новомъ Вр." отъ 2-го іюня 1903 г. В. В. Розановъ величалъ Андреева „высокимъ русскимъ умомъ" и сопоставлялъ его съ Достоевскимъ.

вамъ изумительную истину, никогда не приходившую никому въ голову. Патетическій писатель,—и метафизическій.

Іуда укралъ нѣсколько динаріевъ изъ денежнаго ящика, который ему было поручено носить. Апостолы стали обличать его передъ Христомъ. Тотъ «кротко посмотрѣлъ на него и поцѣловалъ его». Іоаннъ, понявъ мыслъ Іисуса, «внезапно загорѣвшись весь, смѣшивая слезы съ гнѣвомъ, восторгъ со слезами, звонко (?!) воскликнулъ»:

— Никто не долженъ считать, сколько денегъ получилъ Іуда. Онъ нашъ братъ, и всѣ деньги его, какъ и наши, и если ему нужно много, пусть беретъ много, никому не говоря и ни съ кѣмъ не совѣтуясь!

Словомъ — общность имущества, начало «общаго имущества въ монастыряхъ». Пораженные и растроганные апостолы подходятъ къ Іудѣ и цѣлуютъ его. Сей гордый первенецъ изъ нихъ, однако все-таки позарившійся на сколько-то динаріевъ, высокомѣрно говоритъ своему грамофону-Ѳомѣ:

— И подумай, хорошо ли ты поступаешь, добродѣтельный Ѳома, повторяя учителя? Вѣдь это Онъ поцѣловалъ меня, вы же только осквернили мнѣ ротъ. Я и до сихъ поръ чувствую, какъ ползаютъ по мнѣ ваши мокрыя губы. Это такъ отвратительно, добрый Ѳома!

«Насмѣшливость и злость» конечно не такія качества, которыя могли бы испортить демоническую фигуру Іуды, обольстившую Андреева, рецензентовъ и вѣроятно скоро всѣхъ горничныхъ Петербурга и Москвы. «Іуда-душка» разрѣшаетъ споръ между Петромъ и Іоанномъ, который изъ нихъ ближе будетъ Христу въ царствѣ небесномъ. Іоанну онъ говоритъ:

— Нѣтъ, Петръ всѣхъ ангеловъ разгонитъ своимъ крикомъ — ты слышишь, какъ онъ кричитъ? Конечно, онъ будетъ спорить съ тобою и постарается первый занять мѣсто, такъ какъ увѣряетъ, что тоже любитъ Іисуса,—но онъ уже староватъ, а ты молодъ; онъ тяжелъ на ногу, а ты бѣгаешь быстро, и ты первый войдешь туда со Христомъ.

Затѣмъ Андреевъ «пучитъ глаза»: Такъ какъ въ то же время Іуда и Петру сказалъ, что тотъ будетъ сидѣть рядомъ съ Іисусомъ въ Царствѣ Небесномъ,

то между этими двумя апостолами, совершенно полагающимися на «умъ» Іуды, вышло недоумѣніе, кто же именно изъ нихъ будетъ ближе къ Іисусу:

— Ну-ка, умный Іуда! Скажи-ка намъ, кто будетъ первый возлѣ Іисуса,—онъ или я?

Но Іуда молчалъ, **дышалъ тяжело** (?) и глазами жадно спрашивалъ о чемъ-то спокойно-глубокіе глаза Іисуса.

— Да,—подтвердилъ снисходительно Іоаннъ,—скажи ты ему, кто будетъ первый возлѣ Іисуса!

Замѣтьте, какъ обернулся вопросъ: «первый возлѣ Іисуса». О, Л. Андреевъ хитеръ. Читатель уже смущенъ: «возлѣ Іисуса? первый?» Можно задрожать отъ вопроса, заныть отъ страшнаго предчувствія.

Не отрывая глазъ отъ Христа, Іуда медленно поднялся и отвѣтилъ тихо и важно:

— Я!

Іисусъ медленно опустилъ взоры. И тихо бія себя въ грудь костлявымъ пальцемъ, Искаріотъ повторилъ торжественно и строго.

— Я! Я буду возлѣ Іисуса

И вышелъ. Пораженные ученики... и проч.

У горничныхъ, я думаю, зубъ на зубъ не попадаетъ цѣлую ночь послѣ этихъ строкъ. О, Л. Андреевъ знаетъ ихъ психологію и чѣмъ и какъ защемить имъ сердце!

* * *

Ну, я думаю, можно и не продолжать? Да, изъ «дѣяній апостольскихъ» одно подробно описано! Вечеръ, гористый край пустыни, и апостолы, отрывая камни и камешки, спорятъ, кто дальше кинетъ. Немножко по-гимназически? Ничего! Въ споръ входитъ и то, какой величины камень. Всѣхъ побѣждаетъ, разумѣется, ап. Петръ. Іуда отсутствовалъ: но подошелъ онъ, и «побилъ рекордъ». Все это разсказано на нѣсколькихъ страницахъ, натуралистически, съ сокомъ.

Объ ученіи Іисуса Христа въ разсказѣ Андреева ничего не сказано. Вообще разительную сторону его составляетъ слѣдующее. Если апостоловъ и занимало, кто изъ нихъ дальше кинетъ камень, то это не только понятно, но и невольно въ изложеніи Анд-

реева: они совершенно ничѣмъ не заняты, не имѣютъ никакого, такъ сказать, предмета жизни, заботы, тревоги. Сущіе «бараны», какъ и аттестовалъ ихъ совершенно основательно великій Іуда,—т. е. у Андреева выведены только бараны. Во всемъ разсказѣ не проходитъ никакого устремленія, заботы, ничего вообще высшаго кромѣ острословія. Іисусъ Христосъ точно нанялъ ихъ ходить за собою, «а Іуда носитъ ящикъ». Наконецъ Іисусъ Христосъ? Л. Андреевъ представилъ Его блѣднымъ, немного сутуловатымъ отъ постоянной задумчивости, прекраснымъ,—и я думаю, еслибъ поставить зеркало, то онъ вышелъ-бы немного похожъ на одного, тоже задумчиваго и очень знаменитаго современнаго намъ беллетриста! Къ чему называть имена, будемъ скромны.

Такъ вотъ эта-та исторія, какъ бараны ходили за блѣднымъ Учителемъ,—заняла народы на 1900 лѣтъ! До того глупо человѣчество. Но умный Л. Андреевъ наконецъ разъяснилъ намъ все: единственный умный изъ барановъ былъ Іуда «изъ Каріота». Онъ одинъ возлюбилъ Учителя, Котораго предалъ. За что? почему? въ какихъ цѣляхъ? Самой повѣсти я не имѣлъ силъ дочитать, но рецензенты съ дрожью разсказываютъ, будто Л. Андреевъ «приподнялъ завѣсу надъ тайной Евангелія», показавъ убѣдительно, что вѣдь только «одинъ Іуда помогъ Іисусу Христу совершить подвигъ, для котораго Онъ и пришелъ на землю: умереть, притомъ умереть жестоко, страдальчески»... Бррр.. въ самомъ дѣлѣ? помогъ Іисусу, одинъ помогъ? Толкнулъ на «искупленіе» человѣчества. Только, я думаю, все-таки Л. Андреевъ не догадался объ одномъ недоумѣніи своихъ читателей: что вѣдь если все такъ пошло было это дѣло, какъ о немъ передаетъ Л. Андреевъ, и если оно совершилось среди такихъ изумительной пошлости людей, то вѣдь тогда какое-же «искупленіе», «подвигъ» и проч.? Просто—убили человѣка, называемаго «Іисусомъ», какъ раньше убивали Ивановъ и Петровъ. А Іуда его предалъ, но вовсе не на «под-

вигъ». а просто на смерть: ибо среди такихъ глупцовъ, какими намъ показалъ Андреевъ всѣхъ этихъ людей, событія, обстановку и время, никакихъ вообще «подвиговъ» не бываетъ и не можетъ быть, да и не нужно вовсе! Я хочу этимъ сказать ту простую вещь, что для событій евангельскихъ нуженъ былъ мотивъ въ уровень съ Евангеліемъ: какая-то страшная нужда людей и чрезвычайная красота ихъ, достоинство; нужда прекраснаго и великаго. Вѣдь только за это и могла быть пролита «божественная кровь», и могъ Отецъ послать Сына искупить твореніе свое. Но если, какъ представилъ дѣло Андреевъ, эти блаженные совершенно счастливы въ своемъ ничтожествѣ и только и занимаются бросаніемъ каменьевъ и острословіемъ,—о, неужто по поводу ихъ трястись небесамъ, Отцу посылать Сына, обрекать древній Іерусалимъ на паденіе и, словомъ, перевертывать землю и исторію? Ну, и перевернулось все, «Христосъ искупилъ людей при пособіи Іуды» (тема Андреева),—и что же вышло? Іуда ровно столько же остроуменъ, какъ Андреевъ, а Андреевъ черезъ 1900 лѣтъ такъ же остритъ. какъ его Іуда, и оба другъ друга стоятъ, не лучше и не хуже, и все, какъ было глупо «до Рождества Христова, такъ и осталось глупо послѣ Рождества Христова». О чемъ же писалъ Андреевъ и что вообще онъ думалъ, когда писалъ?

2.

Н. М. Минскій „Наша Газета“. Мартъ 1908.

«Іуда любитъ Христа, любитъ любовь, но презираетъ человѣчество, презираетъ объектъ любви, считаетъ, что міръ недостоинъ Христа.

Въ чемъ же онъ правъ, въ своей любви или въ своей ненависти? Кто обманулъ Іуду—вотъ вопросъ, который онъ разрѣшаетъ опытомъ своего предательства.

Онъ предаетъ Христа, онъ ставитъ Христа въ такое положеніе, когда толпа и апостолы, если въ ихъ душѣ горитъ хоть одинъ лучъ свѣта, должны откликнуться засіять любовью, заступиться за Христа. Если они заступятся, онъ, Іуда, былъ неправъ, но за то оправдана жизнь. Если не заступятся, онъ, Іуда, побѣдилъ, но жизнью осуждена. «Когда былъ поднятъ молотъ, чтобы пригвоздить къ дереву лѣвую руку Христа, Іуда закрылъ глаза и цѣлую вѣчность не дышалъ, не жилъ, а только слушалъ»... «Такъ же ясно, какъ ужасную побѣду свою, видитъ Искаріотъ ея зловѣщую шаткость. А вдругъ они поймутъ»... «Вдругъ всею своею грозною массой мужчинъ, женщинъ и дѣтей они двинутся впередъ, молча, безъ крика сотрутъ солдатъ, зальютъ ихъ по уши своею кровью, вырвутъ изъ земли проклятый крестъ и руками оставшихся въ живыхъ высоко надъ теменемъ земли поднимутъ свободнаго Іисуса! Осанна! Осанна! Но апостолы разбѣжались, толпа не возстала, и Христосъ умеръ. Свершилась «ужасная побѣда» Іуды, жизнь осуждена, и онъ умираетъ, какъ Христосъ, на деревѣ, умираетъ отъ любви къ неоправданной любви, изъ любви къ неосвѣщенной Тьмѣ. И, кто знаетъ, можетъ быть, въ какомъ-то порядкѣ жертва Іуды, любившаго не міръ, не человѣчество, а только любовь, является самою безкорыстною».

3.

Максъ Волошинъ въ „Руси“, Іюнь 1907.

Для искусства нѣтъ ничего болѣе благодарнаго и отвѣтственнаго, чѣмъ Евангельскія темы.

Каково бы ни было отношеніе къ Евангелію, какъ къ книгѣ человѣческой или къ книгѣ божественной, Евангельскій разсказъ незыблемыми кри-

сталлами лежитъ въ душѣ каждаго. Языкъ нашего моральнаго чувства возникъ изъ Евангелія и каждое Евангельское имя, каждый Евангельскій эпизодъ, каждая Евангельская притча, стали гранями нашей души. Поэтому каждое Евангельское слово—символъ для насъ, ибо символомъ мы называемъ то слово, которое служитъ ключемъ отъ цѣлой области духа.

Та эпоха европейскаго искусства, когда оно было ограничено исключительно Евангельскими темами, была для него эпохой наивысшаго расцвѣта. Только имѣя подъ собой твердую основу во всенародномъ миѳѣ, художникъ можетъ достичь передачи тончайшихъ оттѣнковъ своего чувства и своей мысли.

И въ наше время наиболѣе утонченные мастера возвращаются къ Евангельскимъ темамъ. Примѣромъ могутъ служить такіе разсказы, какъ «Протекторъ Іудеи» Анатоля Франса и «Евангельскія притчи» Оскара Уайльда.

Каждый Евангельскій эпизодъ и каждый характеръ являются для насъ какъ бы алгебраическими формулами, въ которыхъ всѣ части такъ глубоко связаны между собой, что малѣйшее измѣненіе, въ соотношеніи ихъ въ итогѣ равняется космическому перевороту. Поэтому, когда художникъ вводитъ свое живое «я» въ законченные кристаллы Евангельскаго разсказа, то индивидуальность его сказывается съ такой полнотой и четкостью, съ какой не можетъ сказаться ни въ какой иной области.

Леонида Андреева никакъ нельзя отнести къ художникамъ утонченнымъ, но въ разсказѣ «Іуда» его нетонкость перешла всѣ дозволенныя границы.

Трактуя характеры Христа и апостоловъ съ психопатологической стороны, вставляя совершенно произвольно бытовые эпизоды, вродѣ атлетическаго состязанія апостоловъ въ бросаніи камней съ горы, дѣлая изъ апостола Ѳомы каррикатурнаго нѣмецкаго профессора по «Fliegende Blätter», изъ Іоанна—самодовольнаго интригана, изъ Матѳея тупого доктринера, изрекающаго цитаты изъ Св. Писанія, заставляя

Іуду говорить языкомъ разсказчика еврейскихъ анекдотовъ. Леонидъ Андреевъ создаетъ и притомъ (что хуже всего) безъ всякаго дурного желанія, какое-то «Евангеліе на изнанку».

Такой итогъ возникаетъ совершенно помимо его плановъ, только отъ отсутствія чувства художественной мѣры.

Мысль читателя, въ которой строго запечатлѣна гармонія Евангельскихъ величинъ, поминутно проваливается въ какія-то пустоты, которыя въ сущности являются невинными, но неумѣстными изобрѣтеніями беллетристической фантазіи автора. Кощунственность «Іуды» художественная, а не религіозная.

Христа въ этомъ разсказѣ Леонидъ Андреевъ изображаетъ красивымъ и очень сентиментальнымъ молодымъ человѣкомъ, въ стилѣ Полѣновскаго Христа на Генисаретскомъ озерѣ. Онъ корректенъ и безцвѣтенъ. Онъ нарисованъ плоскими и условными чертами по конону Передвижниковъ, какъ необходимая декоративная деталь Евангельской картины. Но Его Лица, Его вѣянья нѣтъ. На мѣстѣ Христа среди апостоловъ стоитъ безразлично добрый человѣкъ.

Нравственная проблема, скрытая въ личности Іуды, особенно близка нашему времени. Развѣ не тотъ же вопросъ о принятіи на себя историческаго грѣха подвигомъ предательства стоитъ и передъ революціонерами-террористами, и передъ убійцами изъ союза русскаго народа, и передъ всѣми, совершающими кровавыя расправы этого времени.

Если есть такой вопросъ, который можно считать главнымъ моральнымъ вопросомъ нашего времени, то это вопросъ объ Іудѣ.

Леонидъ Андреевъ не понялъ этого, подходя къ великой моральной темѣ. Онъ принялъ традиціоннаго Іуду церковнаго преданія и далъ его предательству одно изъ возможныхъ психологическихъ объясненій.

Правда, иногда у него вдругъ прорываются какъ будто какія-то прозрѣнія относительно истиннаго значенія Іуды, напримѣръ, когда Іуда отвѣчаетъ Іоанну и

Петру, обратившимся къ нему за разрѣшеніемъ ихъ спора о первенствѣ (!...) «Я!—Я буду ближе всѣхъ къ Христу». Но этихъ прозрѣній Леонидъ Адреевъ самъ не замѣчаетъ и не слѣдуетъ ихъ указаніямъ.

Для него очень характерно то, что онъ всегда выбираетъ себѣ тему, дѣйствительно важную и имѣющую глубокое значеніе для историческаго момента духа, но никода не умѣетъ раскрыть ее до конца.

Онъ всегда входитъ въ ту дверь, въ которую надо, но не идетъ дальше прихожей. И пророческимъ жестомъ указывая на грязную лакейскую онъ восклицаетъ потрясенный: «И это Святая Святыхъ Великаго Храма!»

Въ свои слова онъ вкладываетъ столько изступленнаго чувства и въ описаніе того, что дѣйствительно представляется его взглядамъ, столько реализма, что наивныя души не могутъ не вѣрить ему.

4.

Антонъ Крайній. (З. Гиппіусъ). „Вѣсы“ 1907, VII.

Что-же хотѣлъ сказать Андреевъ своимъ «Іудой»,—я такъ и не понялъ. Современный жидъ изъ Вильны,—тщательно современный—хорошо.

Я готовъ простить Андрееву такое попраніе вѣковъ: оно для него обычно. Но что же онъ все-таки хотѣлъ сказать?

Убѣдить насъ, сдѣлавъ Іуду благороднѣе другихъ учениковъ, что современные евреи изъ Вильны благороднѣе древнихъ евреевъ?

Какъ хотите, иного смысла для разсказа не подберу.

Жизнь человѣка.

Аврелій въ «Вѣсахъ» 1908 года. I.

1.

Написать «Жизнь человѣка» вообще «жизнь человѣка», внѣ условій времени, страны, народа, лич-

ности,—задача трудности непомѣрной. Она была бы подъ силу развѣ только Гете, если бы онъ захотѣлъ отдать всю свою душу ей, а не созданію «Фауста». Характерный признакъ недалекихъ умовъ—не понимать трудностей; и Л. Андреевъ раздѣлался съ «Жизнью человѣка» очень просто и очень скоро. Давая шаблоны, онъ воображалъ, что даетъ нѣчто всеобщее; обезцвѣчивая драму, лишая ее всякихъ красокъ, былъ убѣжденъ, что дѣлаетъ ее всемірной.

«Жизнь человѣка»—единственное въ своемъ родѣ собраніе банальностей. Начиная съ перваго монолога. «Нѣкоего въ сѣромъ», изрекающаго такія общія мѣста, какъ: «въ ночи небытія вспыхнетъ свѣтильникъ, зажженный невѣдомой рукой» или: «онъ никогда не будетъ знать, что несетъ ему грядущій часъ—минута», на протяженіи пяти картинъ дѣйствующія лица говорятъ только плоскости и пошлости». «Въ концѣ концовъ оказывается, что Л. Андреевъ о жизни человѣка знаетъ и можетъ сообщить такія истины: «Молодость и любовь утѣшаютъ и въ бѣдности». «Въ удачѣ всѣ льстятъ, при неуспѣхѣ отвертываются». «Провидѣніе часто не слышитъ молитвъ». «Мы не знаемъ своей судьбы» и т. д.

По истинѣ хочется повторить отвѣтъ Гораціо Гамлету: «Призраку не стоило вставать изъ могилы, чтобы сообщить только это»...

2

Д. В. Философовъ «въ Товарищѣ» (Май 1907).

Нечего себя обманывать: «Жизнь человѣка»—одно изъ самыхъ реакціонныхъ произведеній русской литературы, и только наивное и бездарное русское правительство можетъ ставить препоны къ его распространенію. Оно реакціонно потому, что уничтожаетъ всякій смыслъ жизни, исторіи. «Жизнь Человѣка»—внѣ времени и пространства. Если жизнь дѣйстви-

тельно такова, какъ ее изображаетъ Андреевъ, то она одинаково жалка, ничтожна, безцѣльна и при самодержавіи и при конституціи и при соціалистической республикѣ. Стоитъ ли бороться, стоитъ ли жертвовать своей жизнью, идти на каторгу, на висѣлицу,—когда жизнь человѣка—сплошное издѣвательство «Сѣраго нѣкто», когда здѣсь, на землѣ — все обманъ и суета? Какъ наша публицистика просмотрѣла этотъ ядъ Андреевской пьесы, какъ она не удивилась тому сочувствію, которое пьеса встрѣтила въ широкой публикѣ, какъ она не ужаснулась передъ этимъ призракомъ грядущей реакціи,—реакціи самой страшной, потому что не правительственной, а общественной? Да никакой монахъ Иліодоръ или Крушеванъ такъ не опасны, какъ «Жизнь человѣка». Черная сотня вызываетъ на борьбу съ реакціей за лучшее будущее, заставляетъ, утверждать правду жизни, исторіи, Андреевъ же притупляетъ чувство, волю, погружаетъ въ мракъ небытія... И съ художественной точки зрѣнія «Жизнь Человѣка» вещь очень слабая. Истинно художественное произведеніе никогда не бываетъ реакціоннымъ, только отрицающимъ. Оно никогда не потакаетъ небытію.

3.

Мережковскій «Рус. М.“ 1908, I.

Если бы Андреевъ былъ послѣдователенъ и правдивъ до конца,—онъ отрекся бы отъ революціи и предался бы реакціи. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему революція, борьба за свободу, когда никакой свободы нѣтъ, а есть только безпощадная и безсмысленная необходимость—«кругъ желѣзнаго предначертанія»—для человѣчества то же, что кольцо, продѣтое сквозь ноздри быка, котораго ведутъ на бойню? Вѣдь эмпирическое рабство—неизбѣжное слѣдствіе рабства метафизическаго. Послѣ всѣхъ революцій не отой-

детъ отъ человѣчества «Нѣкто въ сѣромъ», а слѣдовательно, въ сущности, ничего не измѣнится. Что было—будетъ, что будетъ—было. Соціализмъ, капитализмъ, республика. монархія—только разныя положенія больного, который мечется на постели, не находя покоя Зачѣмъ бороться, если нельзя побѣдить? Опустимъ же руки, сложимъ оружіе, умудримся, усмиримся до послѣдняго смиренія, до ничтожества. Если такова «Жизнь человѣка» то лучше быть не человѣкомъ, а звѣремъ,—не звѣремъ, а деревомъ,—не деревомъ, а камнемъ,—не камнемъ, а ничѣмъ. И кто знаетъ, можетъ быть, добрая тайна добраго діавола именно въ томъ, что онъ ведетъ человѣка сквозь всѣ проклятія, безумства и муки свободы къ этой последней мудрости вольнаго рабства, къ этому послѣднему отдыху въ сладчайшей тьмѣ небытія».

4.

З. Гиппіусъ („Вѣсы" 1907, V).

«Жизнь человѣка» Л. Андреева несомнѣнно самая слабая. самая плохая вещь изъ всего, что когдалибо писалъ этотъ талантливый беллетристъ. „Елеазаръ», его недавній разсказъ въ «Золотомъ Рунѣ», тоже слабъ, но не въ такой мѣрѣ, хотя и приближается скорѣе, къ разбираемой драмѣ, нежели къ прежнимъ произведеніямъ писателя. фантастическіе сюжеты. «мистическая» обстановка крайне невыгодны для Л. Андреева; вся грубость, вся примитивная его некультурность и вытекающая изъ нея безпомощность—выступаютъ особенно выпукло и рѣзко, какъ только Л. Андреевъ хочетъ оторватся отъ реальныхъ формъ быта. Собственно, талантъ у него очень большой, гораздо больше, чѣмъ у Горькаго; но у Горькаго чувствуется бо̀льшая сгармонированность между талантомъ и содержаніемъ таланта. Съ Горькаго ничего не требуешь. Л. Андреевъ не можетъ справиться съ вопросами. которые самъ не поднимаетъ;

ему душно въ ихъ темномъ хаосѣ. И какъ только онъ хочетъ что-то самъ сказать, сознательно-начинается невѣроятная и постыдная фальшь. «Савва» его-хаосъ невообразимый; но по крайней мѣрѣ, тамъ вопросы остаются вопросами, тамъ хаосъ не разрѣшается плоскостью, вопли не переходятъ въ риторику. Талантъ-самородокъ остается тѣмъ, что онъ есть; и не вылѣзаетъ изъ-за него самъ Л. Андреевъ, безсознательный, запутавшійся, чуждый культурности русскій человѣкъ. Л. Андреевъ еще глубокъ, когда не думаетъ, что онъ глубокомысленъ. А когда это думаетъ—теряетъ все, вплоть до таланта.

Не въ томъ бѣда, что послѣдняя драма его написана такъ, что не напоминаетъ, а почти повторяетъ Метэрлинка. Но она дурно, некультурно, грубо его повторяетъ; выходитъ не то доморощенная каррикатура, не то изнанка вышитаго ковра. И не въ томъ только бѣда, что эта узловатая, рабски-подражательная форма содержитъ въ себѣ путанную, смятую, да еще банальную мысль о бесмысленномъ рокѣ. Можетъ быть впрочемъ, и вовсе тамъ никакой мысли нѣтъ. Горе въ томъ, что подобная вещь преподносится намъ, какъ художественное произведеніе, да еще съ глубиной, съ претензіей на какое-то общее міросозерцаніе. Претензіи убили самую возможность непосредственнаго живого слова; и нѣтъ ихъ ни одного во всей «Жизни Человѣка», во всей драмѣ, наполненной холодными, придуманными, крикливо-плоскими фразами. Никогда мнѣ не было такъ жалко Леонида Андреева. Онъ давалъ сильныя вещи, чувствовалось, что за ними стихійно, слѣпо мучится и борется живой человѣкъ, котораго можно-бы любить, съ которымъ можно страдать вмѣстѣ. А тутъ, изъ-за драмы и разсказа «Елеазаръ», вдругъ высунулся малообразованный и претенціозный русскій литераторъ, котораго, поскольку онъ все-таки человѣкъ и все-таки Л. Андреевъ, ничего не понимающій и не разрѣшающій,—можно лишь безконечно жалѣть.

Такой «русскій литераторъ» не только не раз-

рѣшитъ ничего, и не пойметъ,—но и нѣжной, легкой, высокохудожественной, культурной лирики Метерлинка никогда не достигнетъ. Послѣ «Василія Ѳивейскаго», даже послѣ «Саввы». гдѣ мѣстами у Л. Андреева вырывались крики настоящаго богоборца,—прочтите грубую, топорную и въ высокой степени глупую «молитву» героя драмы, такъ величественно названнаго Человѣкомъ съ большой буквы. Ходульныя слова— старательно выдуманныя для изложенія извѣстной всѣмъ мѣщанамъ мысли, что и самый «сильный» (т. е. самый невѣрующій) человѣкъ можетъ молиться, если ему что-нибудь хочется получить отъ Бога; и даже можетъ обѣщать, что повѣритъ въ него, если получитъ,—но, что это ни къ чему не ведетъ, ибо никакого Бога нѣтъ, а есть равнодушно-безсмысленная Судьба. Символизуется Судьба у Андреева «сѣрымъ Нѣкто», нисколько не страшной, а простой, бутафорской фигурой, стоящей безсмѣнно въ углу со свѣчой (тоже необыкновенно новымъ символомъ жизни человѣческой!) «Человѣкъ» все время «гордъ и силенъ». Жена Человѣка находитъ и молитву его «гордой»,—на что онъ отвѣчаетъ: «нѣтъ, нѣтъ, жена, я хорошо говорилъ съ нимъ, такъ, какъ слѣдуетъ говорить мужчинамъ». Между прочимъ, онъ молился: «Ты—старикъ, и я—старикъ. Ты скорѣе меня поймешь»... Гордости въ молитвѣ не замѣтно, а просто примитивная риторика и рѣшительная неумность. Нехудожественное произведеніе иногда оберегается отъ слишкомъ рѣжущей фальши—умомъ автора. Но у Андреева этого сторожа нѣтъ, да и увлекшись собственной риторикой. онъ уже ничего не замѣчаетъ, риторика ему кажется возвышенностью, смѣшное—сильнымъ, банальности—новыми открытіями.

«Царь—Голодъ».

Луначарскій въ сборникѣ „Литературный распадъ" Спб. 1908, изд. К-ва „Зерно".

Пьеса написана грубо. Но это скорѣе хорошо. Въ ней много недостатковъ, есть и достоинства, но ни на тѣхъ, ни на другихъ я останавливаться не буду, кромѣ одного, главнаго—безконечно упрощеннаго, мрачнаго, почти клеветническаго изображенія рабочаго класса.

На фонѣ массы, забитой, голодной, задавленной машинами, ненавидящей ихъ и поклоняющейся имъ, выступаютъ такіе три яко-бы типичныхъ представителя рабочаго класса: (здѣсь г. Луначарскій цитируетъ ремарки Андреева, относящіяся къ рабочимъ пьесы „Царь-Голодъ" и продолжаетъ):

Вотъ вамъ три основныхъ типа современнаго пролетарія! Правдиво? Между бунтомъ рабочихъ и бунтомъ хулигановъ Андреевъ усмотрѣлъ одну разницу: хулиганы нѣсколько сознательнѣе.

Голодный бунтъ вродѣ описаннаго Гауптманомъ въ «Ткачахъ»—вотъ предѣлъ мудрости Андреева. Повторяю: въ драмѣ есть недюжинныя достоинства рядомъ съ множествомъ слабостей (напр.. совершенно опереточная смерть, хотя авторъ хотѣлъ, чтобы она была ужасна и т. п.). Но какъ общій замыселъ она убога: голодный расшибаетъ лобъ о пушку богатаго. Вотъ и все. Интересно задуманная фигура протогониста не спасаетъ. Съ такой убогой концепціей не подходятъ къ революціи. Это революція, отраженная въ головѣ мѣщанина, пусть художника, но безнадежнаго мѣщанина.

Андреевъ и въ этой драмѣ довольно силенъ въ критикѣ буржуазіи (хотя лучшая сцена—судъ, есть символическая обработка Толстовскихъ тезисовъ

«Воскресенія»), но и тутъ, какъ и всюду, онъ хотѣлъ «роковою рукою» вскрыть трагизмъ, безысходный отчаянный трагизмъ положительнаго — революціи, и далъ изображеніе и толкованіе революціи, надъ которымъ поднялся теперь любой гимназистъ.

Пара замѣчаній еще. Хулиганы у Андреева дѣлаютъ дѣло вмѣстѣ съ рабочими, сопровождая революцію—разбоемъ.

Это безсознательная ложь.

Хулиганы или разстрѣливали рабочихъ въ качествѣ гардъ-мобилей, или громили подъ знаменемъ монархіи и религіи, какъ наши черносотенцы. Тамъ, гдѣ революція торжествовала, хулиганы трепетали. Во время господства коммуны въ Парижѣ—преступленій почти не было. Затѣмъ: революціонный народъ у Андреева сжигаетъ Національную Галлерею. Этого никогда не было и не будетъ. Революціонеры, пролетаріи всегда охраняли музеи.

Эти мелочи дополняютъ картину безпомощности Леонида Андреева предъ лицомъ революціи.

Именно упрощеніе и опошленіе дѣйствительной трагичности ея, именно подмѣна ея голоднымъ бунтомъ—губятъ символическое значеніе послѣдняго произведенія Андреева.

Мысль Андреева всегда будетъ слаба въ своихъ титаническихъ потугахъ, ибо онъ мѣщанинъ *). Онъ

*) Не совсѣмъ, значитъ, былъ неправъ фельетонистъ одной Московской газеты, „Д-ій Одинокій, когда осенью прошлаго года писалъ; „Даже поверхностно знакомые съ современною литературою люди отлично знаютъ, что тотъ, кто написалъ „Жизнь человѣка“, „Василья Ѳивейскаго“, „Губернатора“, „Къ звѣздамъ“, никогда не могъ принадлежать душою къ соціалъ-демократамъ!.. Стоило немного измѣниться условіямъ издательскаго рынка, и мы видимъ, какъ быстро отбился отъ „табунка“ Леонидъ Андреевъ. Пройдетъ немного времени, и тѣ самые „товарищи“, которые ставили у себя въ главѣ имя Леонида Андреева, будутъ ненавидѣть его, какъ одного изъ злѣйшихъ своихъ враговъ И понятно, ибо что можетъ быть опаснѣе соціалистамъ демократамъ, какъ не анархистъ-индивидуалистъ, каковымъ и является въ своей настоящей литературной физіономіи Леонидъ Андреевъ?“ Пророчество газетнаго Исайи сбылось, какъ видите, слово въ слово.

дошелъ до нигилизма, до всеотрицанія. Боже мой, пустое и всеобщее отрицаніе есть только утвержденіе, ибо во тьмѣ, въ которую Андреевъ хочетъ погрузить міръ, всѣ кошки становятся сѣры. Чтобы тьма была тьмой, надо противопоставить ей свѣтъ. Андреевъ боится его. Другіе ищутъ его и не могутъ найти. Видали даже, но душа ихъ мѣщанская не пріемлетъ его, заставляетъ ихъ искажать его, превращать для себя въ полусвѣтъ.

Свѣтъ же истинный есть идеологія рабочаго класса, это свѣтъ истинный, и тьма не объемлетъ его!

2.

Ю. Айхенвальдъ въ „Рус. Мысли" 1908, III.

„Гражданственность въ этомъ «представленіи» значительно преобладаетъ надъ художественностью. Богатыхъ пугаютъ здѣсь угрозой, что бѣдные, бунтъ которыхъ они подавили, жизни которыхъ они уничтожили, воскреснутъ, и „они еще придутъ". Эта мысль, столь не новая, это предчувствіе общественнаго переворота облечены у г. Андреева въ форму вычурную, и она тѣмъ меньше производитъ впечатлѣнія, что жизнь бѣдныхъ, жизнь рабочихъ онъ изображаетъ совершенно неправдоподобно.

Съ удручающей и банальной прямолинейностью рабочіе думаютъ и говорятъ у него только о томъ, что они голодны, что ихъ давитъ желѣзо, гнететъ чугунъ, плющитъ желѣзный молотъ, кружитъ колесо, что одинъ изъ нихъ — молотъ, другой—шелестящій ремень, третій—рычагъ, четвертый—маленькій винтикъ и т. д., и т. д.

Всему этому нельзя вѣрить; это сгущеніе красокъ нежизненно, и авторъ, по своему обыкновенію, совсѣмъ упускаетъ изъ виду моментъ привычки.

Вѣдь именно оттого такъ трудно осуществить всякое соціальное движеніе, что надъ людьми вла-

ствуетъ парализующая и примиряющая привычка,— эта огромная центростремительная сила. И если писатель ее вынимаетъ изъ внутренняго міра своихъ героевъ, то въ драмѣ голода онъ не видитъ ея истинно-трагической глубины.

Здѣсь г. Андреевъ повиненъ, впрочемъ, не въ простомъ недоразумѣніи: оно связано съ самой сущностью его писательской манеры, въ которой есть нѣчто грубое, рѣзкое, некультурное. Раздѣлить жизнь, какъ Чермное море, на двѣ стѣнки—богатство и бѣдность; заставить въ верхнемъ этажѣ танцовать, а въ подвалѣ—голодать; вложить въ уста барыни, во время народнаго бунта, слова: «Боже, а я только что заказала новое платье, Боже, я только что заказала новое платье!»; вообще, отдаться дешевой сатирѣ, такой же мелкой и безплодной, какъ та мелочь, которую, въ его пьесѣ, буржуазное дитя подаетъ голодной женщинѣ, — все это оскорбительно своею пошлостью.

Эстетически-невыносимо читать глупости, которыя г. Андрееву угодно приписать рабочему, кашляющему кровью: „У одной богатой и красивой дамы я видѣлъ на груди алую розу—она и не знала, что это моя кровь"; изъ его кашля-де для богатыхъ выростаютъ розы, и онъ даже радуется этому!... Время у г. Андреева поетъ: „о, безконечность, дочь моя!..." Какая безвкусица! И ея въ «Царѣ-голодѣ» такъ много, что ея не искупаютъ отдѣльныя счастливыя слова (дѣтскіе гробики—«деревянныя тихія колыбельки») и отдѣльные штрихи смѣлыхъ олицетвореній или остроумія (во второй картинѣ).

Въ общемъ, пьеса—шумная, эффектная, крикливая, но пустая».

3.

Д. В. Философовъ въ „Рѣчи" апрѣль, 1908 г.

«У Андреева всѣ эти сутенеры, профессора,

художники—жалкіе аллегорическіе ярлыки, мертвенные статисты плохого, захудалаго театра. Вся пьеса пропитана невыносимой фальшью. Это Ростанъ наизнанку. Пріемы «творчества» тѣ-же, только авторы пишутъ для разной публики. Одинъ для салоновъ западныхъ буржуа, другой для журфиксовъ мистическихъ анархистовъ. Великая драма жизни, трагическій символизмъ только что пережитой нами народной бури, превращается подъ смраднымъ дыханіемъ пошлости въ отвратительный балаганъ, въ издѣвку надъ жизнью, надъ голодомъ, надъ святымъ бунтомъ»...

«До чего мы изломались, изолгались. До какихъ предѣловъ пошлости мы дошли. И, ужъ если можно повѣрить, что «міръ непріемлемъ», то именно благодаря торжеству и, главное, успѣху подобной литературы.

Какъ-то не вѣрится, что подобное затменіе продлится долго. «Царь Голодъ» послѣдній актъ мистико-анархической комедіи. Или русская литература исчезнетъ, или пойдетъ по новому пути, по пути настоящаго сознанія и подлиннаго, а не картоннаго, символизма».

4.

М. Невѣдомскій въ „Современномъ мірѣ" 1908, II.

«Прежде всего радостно свидѣтельствую: — не палъ, не заколебался, не померкъ славный талантъ художника. Это огромная вещь, и я нисколько не сомнѣваюсь, что она войдетъ въ европейскую литературу и займетъ въ ней вѣчное мѣсто.

Никогда еще и никто въ такой слѣпительно яркой и сжатой картинѣ, на пространствѣ какого-нибудь квадратнаго аршина, не концентрировалъ такъ всѣхъ ужасовъ нашего соціальнаго строя, всей его лжи и растлѣвающей безнравственности. Драма написана въ стилѣ «театра маріонетокъ», созданномъ Метерлинкомъ.

Сгущенные, упрощенные рѣзкіе контуры, до наглядности, до осязательности пластичныя картины (напомню «два этажа» въ сценѣ суда подонковъ общества, надъ танцующей надъ ихъ головами въ свѣтломъ залѣ буржуазіей и непосредственно рядомъ съ этой картиной—сцену суда буржуазіи «надъ голодными»)—все это, поставленное на сценѣ, будетъ дѣйствовать на зрителя съ подавляющей силой. Это огромная трагическая карикатура въ драматической формѣ, карикатура въ стилѣ Франциска Гоя. Все шаржировано, все даетъ какъ бы экстрактъ жизни, какъ бы сгущенную ея сущность И художникъ мощнымъ размахомъ бросаетъ проклятіе свое въ лицо современности и приводитъ въ содроганіе сердца...

Я не буду упоминать о кое-какихъ мелкихъ и чисто внѣшнихъ деффектахъ. Это уже какой-то рокъ, висящій надъ Андреевымъ. Классической силы и красоты линіи у него то тамъ, то здѣсь обнаруживаютъ изломъ. Эта смѣсь классическаго съ нервозными и—скажу настоящее слово—немного дешевыми въ художественномъ смыслѣ эффектами, порожденная недостаткомъ чувства мѣры, коренной порокъ его творчества, отъ котораго художникъ такъ и не можетъ освободиться.

Къ чему напримѣръ, эти «бутерброды съ сыромъ», которыми питается Смерть въ сценѣ суда, или намордники на подсудимыхъ «голодныхъ», или рабочій въ позѣ Геркулеса Фарнезскаго, совершающій всѣ подвиги Геркулеса—и такъ не гармонирующій съ общими какъ бы «средневѣковыми» тонами, въ которыхъ написаны всѣ символы драмы? Или почему Царь-голодъ оказался предсѣдателемъ на судѣ? И еще: почему приговоры произносятся во имя діавола, персонажа, совсѣмъ отсутствующаго въ драмѣ? Ужъ если вводить подобные «персонажи», то необходимо отводить имъ и соотвѣтствующую роль: діаволъ вѣдь символъ цѣлаго міросозерцанія, которое совершенно не вяжется съ концепціей драмы

и ничего общаго не имѣетъ съ тѣмъ міросозерцаніемъ, въ свѣтѣ котораго она написана... Но эти недостатки тонутъ въ общей мощи «трагической карикатуры» къ тому же.

Объ новой Андреевской драмѣ я, вѣроятно, еще буду имѣть поговорить подробнѣе. Сейчасъ, въ связи съ занимающей меня темой, скажу, что и въ этой геніальной и вѣчной вещи Андреевъ все же отразилъ жуткую злобу современности. И не только въ подробностяхъ, не только въ дышащей безконечной ненавистью сценѣ суда... Нѣтъ, опять-таки въ самомъ замыслѣ чувствуется душевный мракъ, почти близость къ отчаянію. Единственный реваншъ для преданныхъ царемъ голодомъ, голодныхъ, можно видѣть въ томъ вѣчномъ страхѣ передъ ихъ «вторичнымъ пришествіемъ», которымъ, послѣ кроваваго пораженія ихъ бунта все же одержимы сердца побѣдителей... Что драма, по обычаю Андреева, продолжившая линіи жизни и поднявшаяся по этому на степень общечеловѣческой драмы, есть тѣмъ не менѣе прямой продуктъ недавно пережитой, и даже переживаемой еще сейчасъ, кровавой драмы—въ этомъ, разумѣется никто не усумнится. Но одна ея характерная и основная черта находится, по моему, въ прямой связи съ современнымъ моментомъ растерянности и тяжкаго разочарованія въ недавнихъ надеждахъ.

Подобно размышленіямъ героя очерка «Тьма», драма трактована опять въ планѣ... статики. Ни въ одной изъ изображенныхъ авторомъ группъ населенія вы не увидите элементовъ развитія, элементовъ движенія, элементовъ будущаго. Такъ, ни въ рабочей средѣ, ни въ средѣ буржуазіи мы не видимъ въ драмѣ представителей тѣхъ, кто является всюду и вездѣ ферментомъ и бродиломъ, кто, концентрируя въ своей личности заложенныя въ средѣ силы, всегда служитъ именно кинетическому, творческому началу жизни: въ драмѣ не представ-

лены идеологи, не представлена интеллигенція, если впрочемъ не считать чахоточнаго рабочаго «поэта», надѣющагося «зажечь землю мечтами» .. И наиболѣе живыми, наиболѣе любовно трактованными фигурами являются символическія мрачныя фигуры самого „великаго несчастнаго царя»,—«Царя голода», «усталаго звонаря» Времени, и Смерти, которой, по размѣрамъ, по «продуктивности» ея дѣятельности, воистину отведена въ драмѣ первая роль...

«Тьма» и «Проклятіе звѣря.»

1.

Мережковскій въ „Рус. Мысли“ 1908, I.

«Тьма» называется послѣдній разсказъ Андреева, гдѣ террористъ говоритъ проституткѣ; «Пей за нашу братью. За подлецовъ, за мерзавцевъ, за трусовъ, за раздавленныхъ жизнью... за всѣхъ слѣпыхъ отъ рожденья... Зрячіе, выколемъ себѣ глаза... Если нашими фонариками не можемъ освѣтить всю тьму, погасимъ же огни и всѣ полѣземъ въ тьму... Выпьемъ за то, чтобы всѣ огни погасли. Пей, темнота!»

Это и значитъ; долой революцію, долой солнце свободы! Да здравствуетъ «тьма», да здравствуетъ реакція!

Таковъ исходъ буйный, трагическій, а мирный, идиллическій—именно то, что сейчасъ происходитъ въ Россіи: подъ желѣзнымъ предначертаніемъ самодержавнаго «Нѣкто въ сѣромъ» — сѣренькое житье-бытье, сѣренькое благополучіе, полуреакція, полуреволюція, ни Богу свѣчка, ни чорту кочерга. Вѣдь на что другое, а на это мы мастера—вися на вѣткѣ надъ бездоннымъ колодцемъ, кушать малинку.

Намедни какая-то младенческая мистическая анархисточка, захлебываясь отъ восторга, сообщила мнѣ, что, при новой постановкѣ «Жизни человѣка» въ московскомъ Художественномъ театрѣ, для изобра-

женія «непрогляднаго мрака», всю сцену сплошь затянутъ чернымъ бархатомъ.

Ну, такъ вотъ — «погасимъ же огни», задуемъ «Огарки», уляжемся поудобнѣе на черномъ бархатѣ и будемъ кушать малинку: ягодки рдѣютъ угольками ада въ черной тьмѣ. Немного страшно и смрадно, но зато какъ бархатно черно, и тепло, и мягко-мягко—въ обезьяньихъ лапахъ!"

2.

Н. М. Минскій въ „Нашей Газетѣ" отъ 16 Марта.

„Послѣдняя его повѣсть озаглавлена „Тьма". Мережковскій, въ интересахъ своей миссіи, не могъ не использовать этихъ обстоятельствъ, и то, что она послѣдняя (т. е. послѣдняя въ прошломъ году), и что она такъ называется. И въ томъ, и другомъ Мережковскій видитъ неоспоримое доказательство пребыванія Андреева въ сѣтяхъ дьявола. И вотъ почему. Дьяволъ, — догадывается Мережковскій,— „ведетъ человѣка сквозь всѣ проклятія, безумства и муки свободы къ послѣдней мудрости вольнаго рабства, къ послѣднему отдыху въ сладчайшей тьмѣ небытія".

Написавъ слова о „тьмѣ небытія", Мережковскій продолжаетъ: „Тьма" называется послѣдній разсказъ Андреева.

Итакъ, дьяволъ ведетъ къ тьмѣ, а разсказъ Андреева называется „Тьмою". Мостикъ перекинутъ. Послѣ этого Мережковскій приводитъ одну цитату изъ „Тьмы", именно обращеніе террориста къ проституткѣ („пей за нашу братію, за подлецовъ, за мерзавцевъ, за трусовъ, за раздавленныхъ жизнью, за всѣхъ слѣпыхъ отъ рожденья... Зрячіе, выколемъ себѣ глаза" и т. д.)—и дѣлаетъ такое заключеніе: „это и значитъ: долой революцію, долой солнце свободы! Да здравствуетъ „тьма"! да здравствуетъ реакція"!

Тотъ, кто не читалъ подлиннаго Андреева и узналъ бы о немъ только по критикѣ Мережковскаго, рѣшилъ бы, конечно, что герой „Тьмы" разочаровался въ свободѣ (прошелъ „сквозь всѣ проклятія, безумства и муки свободы"), извѣрился въ революціи („долой революцію!"), пожелалъ „вольнаго рабства" („да здравствуетъ реакція!"), отвернулся душой отъ презрѣнной жизни и ненавистныхъ людей и обратился къ самодовольству забвенія, „къ послѣднему отдыху въ сладчайшей тьмѣ небытія". Но мы, читавшіе подлиннаго Андреева, можемъ заключить лишь объ одномъ: какъ однако, непроницаемо толсты должны быть бѣльма слѣпой вѣры, если, ослѣпленный ими, такой, когда-то зоркій критикъ, какъ Мережковскій, если авторъ статьи о Пушкинѣ могъ пройти мимо Андреева, не увидавъ его лица. Поистинѣ, рукою Мережковскаго, когда онъ писалъ объ Андреевѣ, водила мстительная или насмѣшливая судьба, и, говоря о вольномъ рабствѣ и сладчайшей тьмѣ небытія, онъ, самъ того не вѣдая, точнѣйшимъ образомъ опредѣлялъ ту непроглядную тьму и слѣпоту вѣры—не добродушно дѣтской, а старчески разогрѣтой, не просто мертвой, но напитанной трупнымъ ядомъ, — въ которой Мережковскій очутился въ концѣ своихъ религіозныхъ исканій и куда онъ считаетъ своей священной миссіей завлекать другихъ.

„Тьма" Андреева не такова, и мы, читавшіе ее въ подлинникѣ, знаемъ, что герой этого разсказа добровольно гаситъ огонь и уходитъ въ тьму не изъ ненависти и не изъ усталости, а во имя высшей, послѣдней любви. „Если нашими фонариками не можемъ освѣтитъ всю тьму, погасимъ же огни и всѣ полѣземъ въ тьму",—говоритъ онъ, предпочитая, изъ любви ко всѣмъ, быть со всѣми въ темнотѣ, чѣмъ самому держать фонарикъ. Тамъ, куда приводитъ Мережковскій,—послѣднее спасеніе понимается не такъ. Лишь бы самому спастись, самому съ нетлѣнными волосами и кожею пробраться въ

жизнь вѣчную. а остальные—осужденные на послѣднемъ людскомъ судѣ—пусть будутъ ввергнуты въ тьму вѣчную, въ озеро, горящее огнемъ и сѣрою. Но не даромъ герой послѣдняго разсказа Андреева состоитъ въ родствѣ съ Василіемъ Ѳивейскимъ и съ Саввою. Онъ поклоняется духу живому и поэтому спасеніе понимаетъ по иному: если всѣмъ нельзя жить въ свѣтѣ, то и онъ хочетъ жить во „тьмѣ“, ибо тьма въ любви свѣтлѣе, нежели свѣтъ въ раздѣленіи.

Мережковскій хотѣлъ бы видѣть во «Тьмѣ» Андреева проповѣдь самодовольства, призывъ къ сладчайшему усыпленію въ небытіи. Но едва ли во всемірной литературѣ отыщется другое произведеніе, въ которомъ чувство самодовольства было бы преодолѣно до такой глубины, почти абсолютной, какъ во «Тьмѣ». Можетъ-быть, ни въ какой другой литературѣ, кромѣ русской, этотъ разсказъ не могъ бы появиться. Въ немъ заключается завѣтъ какой-то новой любви, съ культурно-европейской точки зрѣнія, можетъ-быть, и не понятной, любви какъ бы бездѣйственной и не грѣющей, а, на самомъ дѣлѣ, наиболѣе энергичной и сжигающей. Припоминается притча о несчастномъ и его друзьяхъ. Потерялъ нѣкто близкихъ сердцу и предался безутѣшному горю. Пришли его друзья и стали его утѣшать словомъ. Одинъ убѣждалъ его не убиваться объ умершихъ, ибо всѣ люди смертны; другіе убѣждали его не убиваться, ибо всѣ люди безсмертны. Но несчастный не утѣшался. Тогда пришли другіе друзья и стали утѣшать его дѣломъ, привели въ порядокъ его домъ, накормили дѣтей. Но несчастный этихъ заботъ не замѣтилъ и продолжалъ отчаяваться. Наконецъ, пришелъ его послѣдній лучшій другъ и, не утѣшая ни словомъ ни дѣломъ, самъ предался безутѣшной скорби, сѣлъ рядомъ съ нимъ, разодравъ свои одежды. чѣмъ и утѣшилъ скорбящаго, который увидѣлъ, что онъ не одинъ въ своемъ горѣ. Точно также герой «Тьмы» спасаетъ падшую душу тѣмъ, что отказы-

вается, изъ любви къ ней, отъ служенія людямъ словомъ и дѣломъ, дабы эта падшая душа почувствовала себя не одинокой въ своемъ паденіи, дабы своимъ паденіемъ. добровольнымъ оправдать ея невольное паденіе.

Критики, и въ ихъ числѣ Розановъ, упрекали Андреева въ парадоксальности и даже несбыточности его тьмы. Однако, стоило бы критикамъ обернуться на нашу дѣйствительность, и они увидѣли бы, что герой «Тьмы» не придуманъ Андреевымъ, что этотъ герой никто иной, какъ вся дореволюціонная русская интеллигенція, вся русская литература, вышедшая изъ народа въ своихъ настроеніяхъ, и вернувшаяся къ нему въ своей любви. Развѣ Достоевскій не погрузился добровольно въ тьму нашихъ «исконныхъ началъ», лишь бы быть вмѣстѣ съ народомъ во мракѣ суевѣрія и рабства, чѣмъ отдѣльно отъ него въ свѣтѣ разума и свободы. Развѣ Толстой добровольно не ушелъ въ тьму недѣланія и непротивленія, чтобы быть вмѣстѣ съ народомъ во мракѣ невѣжества, чѣмъ отдѣльно отъ него въ свѣтѣ культуры. Разница между ними и героемъ „Тьмы" та, что они идеализировали народную тьму, возвели ее въ перлъ созданья, а анархистъ Андреева идетъ во „тьму", называя ее тьмою. Но вѣдь нужно помнить, какъ различенъ объектъ ихъ любви.

Герой разсказа Андреева стоитъ передъ проституткой, создавшей тьму своимъ собственнымъ паденіемъ. а Достоевскій и Толстой любили народъ, никогда ни въ чемъ не падшій, сохранившій нетронутой всю всю свою правду, пребывавшій во тьмѣ лишь потому, что дикая исторія помѣшала ему выбраться на свѣтъ и проявить эту скрытую въ душѣ правду. Тѣмъ не менѣе. психологическая сущность и тутъ, и тамъ одинакова: добровольный отказъ отъ свѣта, отъ разума, отъ культуры изъ любви къ тѣмъ, кто пребываетъ во тьмѣ. Андреевъ унаслѣдовалъ отъ творцовъ русской литературы ихъ драго-

цѣннѣйшее достояніе— чувство неутолимой всеобъемлющей любви къ тѣмъ, кто пребываетъ во тьмѣ. Но Андреевъ, не унаслѣдовалъ ихъ вѣры въ святость этой тьмы, и отсюда вся кажущаяся безвыходность его пессимизма. Онъ любитъ тѣхъ, кто въ его глазахъ остается неоправданнымъ, онъ любитъ тѣхъ, кто не любитъ, онъ любитъ тьму, которую не въ силахъ освѣтить, — вотъ ключъ къ пониманію всего творчества Андреева. Этотъ основной разладъ *проходитъ черезъ всѣ его произведенія*, въ однихъ звуча сильнѣе, въ другихъ—слабѣе. Особенно рѣзко звучитъ онъ въ Іудѣ Искаріотѣ, въ «Жизни человѣка" и въ „Тьмѣ".

М. Невѣдомскій въ „Современномъ мірѣ" 1908, II.

..Очеркъ «Тьма» безусловно нѣчто растерянное. Я не буду вдаваться въ подробности и останавливаться на внѣшнихъ, формальныхъ его художественныхъ дефектахъ. Скажу только, что, не напиши авторъ послѣ «Царя-Голода», можно было-бы подумать, что въ его творчествѣ произошла какая-то заминка, что до сихъ поръ поднимавшійся, все впередъ и выше, углублявшійся и выроставшій его талантъ какъ бы запнулся, заколебался, пожалуй, даже сдѣлалъ шагъ назадъ. Очеркъ, очевидно, сдѣланъ спѣшно, и именно этимъ надо объяснить его растрепанную, и нѣсколько неряшливую форму. Но не въ формѣ дѣло и не она меня занимаетъ. Важнѣе то колеблющееся, настроеніе, которое сказывается въ самомъ замыслѣ.

Авторъ задался идеей свести лицомъ къ лицу два полюса современной жизни—идеалиста-борца, революціонера террориста, «полагающаго жизнь свою за други своя», и проститутку, у которой ему приходится ночевать, дабы скрыться отъ „обложившихъ" гео шпіоновъ.

И вотъ идеализмъ борьбы не выдерживаетъ столкновенія съ этимъ олицетвореніемъ человѣческаго злосчастія.

Умная и озлобленная въ самомъ отчаяніи проститутка кидаетъ ему въ лицо идею. отъ которой въ мигъ рушится весь фундаментъ его жизни:

„Стыдно быть хорошимъ—когда есть такія, какъ она“...

Я не останавливаюсь на подробностяхъ, ибо увѣренъ, что читатель уже знакомъ съ очеркомъ, а не знакомъ—такъ пусть познакомится: онъ во всякомъ случаѣ отъ этого въ убыткѣ не останется.

Мнѣ нужно только проанализировать самую идею, тотъ этико-философскій вопросъ. который ставитъ въ немъ Андреевъ.

Это вовсе не моральный парадоксъ, какъ увѣряли нѣкоторые критики. Это лишь сопоставленіе двухъ противоположныхъ религій жизни, попытка сшибить ихъ лбами.

Тотъ выводъ, къ которому приходитъ герой Андреева,—что ему надо отказаться отъ своей „хорошести“, пасть до уровня злосчастныхъ и опустившихся—есть чисто христіанскій выводъ. Герой говоритъ, что это „не Христосъ, а нѣчто страшнѣе Христа“. Пожалуй такъ, пожалуй, это доведенный до своего логическаго конца христіанскій идеалъ. Если иные аскеты-христіане видѣли высшій идеалъ въ томъ, чтобы помѣняться ролями съ прокаженнымъ, т. е. съ существомъ, по ихъ представленію, олицетворявшимъ именно крайнюю ступень злосчастья, то вѣдь ихъ подвигъ все же рядомъ съ элементами самоотрицанія, содержалъ въ себѣ и элементы положительнаго активнаго добра—помощи ближнему,—элементы положительной хорошести. Герой Андреева въ своемъ аскетизмѣ идетъ, дальше: онъ отрицаетъ всякую „хорошесть“, кромѣ развѣ хорошести абсолютнаго самоотрицанія.

Сапоставленіе сдѣланное Андреевымъ безусловно огромно по своему содержанію. Есть только два пу-

ти жизни. Путь утвержденія,—тотъ, которымъ идетъ всякій борецъ за жизнь человѣка, т. е. всего человѣчества, и этотъ путь приводитъ къ утвержденію личности самого борца. И есть путь отрицанія и самоотрицанія, и самоотверженія и отверженія жизни. И если разсматривать жизнь подъ угломъ статики, такъ сказать, если не видѣть ея поступательнаго движенія и не вѣрить, и не хотѣть его—пожалуй, съ моральной точки зрѣнія, надо признать истиннымъ именно второй путь.

Но изъ сопоставленія, сдѣланнаго Андреевымъ, можетъ быть, прежде всего вытекаетъ выводъ, что именно мораль-то и не даетъ ключа къ рѣшенію вопроса, не даетъ фундамента для построенія настоящей религіи жизни...

Именно тутъ въ постановкѣ самого вопроса, а пожалуй и въ стремленіи рѣшить его въ „планѣ“ статики, и сказалась, на мой взглядъ, характерная для нашихъ дней растерянность. Чтобы заняться и такъ заняться этой темой, надо было выпасть какому-то существенному звену, какому-то краеугольному камню изъ храма міросозерцанія художника!.. Впрочемъ, камень выпалъ не совсѣмъ.

Художникъ заколебался, дѣлая свой выводъ.

Герой его самымъ отказомъ отъ своей „хорошести“ совершаетъ положительный и творческій подвигъ, обращаетъ въ прежнюю свою человѣческую и активную вѣру—отчаявшуюся злосчастную проститутку... Такимъ образомъ и съ внутренней стороны, по идеѣ своей, очеркъ „Тьма“ является чѣмъ-то „колеблющимся“ недоговореннымъ, неяснымъ. Вотъ почему онъ и вызвалъ столь разнорѣчивыя оцѣнки и столько споровъ.“

4.

Антонъ Крайній (З. Гиппіусъ) въ „Вѣсахъ“, 1908, II.

Въ „Шиповникѣ“ Андреевская „Тьма“. Вотъ ужъ ее встрѣтили-то! Анну Каренину и „Братьевъ Карамазовыхъ“ такъ не встрѣчали. Съ чего-бы кажется? Андреевъ и Андреевъ. Ни хуже, ни лучше. Та-же риторика, та-же мѣра антихудожественности...—о, моя жизнь была прелестна! Топчите, дѣвки“,—та же безрезультатная натуга „удивить міръ злодѣйствомъ“, и даже тотъ-же глупый-преглупый герой,—обыкновенный Андреевскій дуракъ.

Правда, въ сборникѣ „Земля“ Андреевъ ухитрился написать еще хуже. „Проклятіе Звѣря“, кажется, не встрѣчено особыми восторгами. А, можетъ-быть, еще начнутъ и этимъ „Проклятіемъ“ восторгаться (я всего ожидаю), хотя тутъ ужъ ничего, кромѣ голой натуги нѣтъ; въ придачу она стала пахнуть послѣдними трудами Горькаго, горьковскимъ потомъ, когда онъ проклиналъ Европу“.

5.

Ю. Айхенвальдъ „Русская Мысль“ 1908, III.

Г. Андреевъ въ „Проклятіи Звѣря“ много шумитъ, пускается въ риторику и мнимое глубокомысліе, даже въ философію носового платка—все по поводу того, что въ большомъ городѣ одинъ человѣкъ будто бы до ужаса походитъ на другого. Но всѣ усилія автора не приводятъ къ убѣдительности. Онъ не сумѣлъ доказать намъ, что о городѣ надо писать именно такъ, какъ онъ пишетъ, что онъ предварительно составилъ себѣ философію города и изъ нея уже говоритъ, что дома кажутся ему гроб-

ницами, что, когда онъ обѣдаетъ въ огромномъ ресторанѣ, то онъ не просто обѣдаетъ, а „чувствуетъ свой жующій черепъ и весь свой скелетъ, какъ онъ сидитъ на стулѣ“, что ему хочется встать и крикнуть въ догонку кончившему обѣдъ сосѣду: „послушайте, постойте! посмотрите, кого вы несете внутри себя“,—то вы готовы биться объ закладъ, что все это выдумка, что ничего подобнаго не хочется и не хотѣлось нашему писателю, и что звѣрь его не проклялъ, и что онъ, г. Андреевъ, вовсе не упалъ на колѣни передъ своей возлюбленной и не закричалъ „съ рыданіемъ въ ея блѣдное лицо: онъ проклялъ меня! Слышишь, онъ проклялъ меня!“

Какъ и всегда у нашего автора не возникла обязательность, и отдѣльныя яркія крупицы дарованія потонули въ морѣ словесности и сочиненности.

Оглавленіе.

Тьма и Проклятіе звѣря.

